

ДАНИЯР СУГРАЛИНОВ

99 МИР

МАДЖУРО

99 мир

Данияр Сугралинов

99 мир – 1. Маджуро

«Литнет»

Сугралинов Д. С.

99 мир – 1. Маджуро / Д. С. Сугралинов — «Литнет», — (99 мир)

Девяносто седьмую жизнь он провел императором целой планеты. Девяносто восьмую — в теле российского студента-геймера. Девяносто девятая может стать для него последней. Отец-гладиатор погиб на Арене. Мать стирает чужое белье. Младшая сестра — воровка. Мир, похожий на Землю. Тело нищего парализованного подростка-инвалида. И отрицательный баланс очков Тсоуи. Слишком устал, и слишком неблагоприятные стартовые условия. Так что держи, парень, нейроинтерфейс и решай свои проблемы сам!

© Сугралинов Д. С.

© Литнет

Содержание

Глава 1. Последний день жизни Луки Децисиму	5
Глава 2. Межмировой вселенский странник	7
Глава 3. Волшебное исцеление	10
Глава 4. Разовое использование Колеса	13
Глава 5. Рождение нового странника	15
Глава 6. Предложение Неманьи Ковачара	18
Глава 7. Генетическое отребье	20
Глава 8. Золотой сектор	23
Глава 9. Справедливость судьи Кэннона	25
Глава 10. Старший ученик Пенант	28
Глава 11. Плохие новости	30
Глава 12. Приступим!	33
Глава 13. Крайне любопытный экземпляр	36
Глава 14. Запреты господина Ядугары	39
Глава 15. Чинилы	42
Глава 16. По требованию Ленца	45
Глава 17. Во дворец императора	48
Глава 18. Маджуро Кислый	51
Глава 19. Девки все за четвертак	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

99 мир – 1. Маджуро

Автор: Данияр Сугралинов

Глава 1. Последний день жизни Луки Децисиму

День у Луки выдался так себе. Сестренку снова поймали на базаре, когда она пыталась стащить у торговца пару моченых яблок. Цена тем фруктам была медяк за корзину, но теперь, только чтобы собрать на требуемый выкуп, матери приходилось без продыху стирать чужое белье. Хорошо хоть, ее старая подруга, такая же прачка, захворала и передала матери своих заказчиков.

Потому он поел только раз за два дня, когда мама, сама едва держащаяся на ногах, пожалев старшего сына-калеку, накормила его сваренной на скорую руку баландой из картофельной кожуры. Этим добром и прочими объедками приторговывал Неманья Ковачар – хозяин единственного трактира на весь квартал.

Чтобы помочь матери собрать выкуп, Лука с ее помощью забрался в инвалидную коляску и медленно выехал из их лачуги, направляясь к храму. Паперть там всегда занята профессиональными попрошайками, но, если сделать вид, что просто проезжаешь мимо, могут и подать.

Мать и слышать не хотела о том, чтобы он вступил в гильдию попрошаек. Она всегда была и оставалась гордой женой гладиатора. Это сейчас они жили в лачуге на окраине города, куда перебрались после смерти отца, но было время, когда у них имелся хороший дом почти в центре столицы, а для Луки, кроме сиделки, нанимали няню, обучавшую его грамоте и разным наукам.

Отца звали Север, и он был сражен на Арене семь лет назад. Только заработки профессионального гладиатора и позволили в лучшие времена приобрести инвалидную коляску для Луки.

Севера убил Свирепый Игнат, ставший после того шестикратным победителем Арены. Шептались, будто не все с тем боем прошло чисто, но не в силах Луки было вернуть отца, что бы там ни говорили. Теперь кости Севера покоятся в могиле, а Игнат, по слухам, возглавил преступный мир столицы.

Медленно, медленнее болотной черепахи, но Лука пересек небольшой участок перед домом и выехал на улицу. Преодоление десятка локтей заняло у него почти четверть часа. Его парализовало сразу, едва он появился на свет, а может, Лука стал таковым еще в утробе матери. Те мышцы, которыми он владел, позволяли действовать руками: удержать тяжелое он не мог, но, чтобы управлять колесами инвалидной коляски, сил хватало. А вот ноги, сколько Лука себя помнил, не шевельнулись ни разу.

– Смотрите, опять этот калека! – закричал один из тех парней, при виде которых Лука сразу разворачивался, чтобы дать деру.

Хотя выражения «сразу» и «дать деру» не имели к нему никакого отношения. Обычно Луку быстро ловили и потом долго измывались, пользуясь его беспомощностью. Особенно жестокими были издевательства Карима, сына Неманьи, владельца трактира.

Лука крутил колеса так быстро, как мог, поскорее пятясь к дому. Он и отъехать-то успел всего несколько локтей от двора... Но нет, не успеть.

Бултых! В зловонную лужу возле него, поднимая фонтан грязной воды, плюхнулся булыжник. Луку обдало так, что промокла одежда. Мальчик стиснул зубы и попробовал двигаться быстрее. Обиднее всего было за напрасный мамин труд, она всегда старалась одеть его в чистое перед прогулками.

Он развернул коляску. Карим и его свора близко не подходили, продолжали развлекаться, кидаясь камнями, – путь им преграждала все та же огромная глубокая лужа, разлившаяся от обочины до обочины. Многодневные ливни и паводок затопили дороги, и народ передвигался по краям тротуаров, где было достаточно мелко, чтобы не замочить ноги выше колен.

Булыжники сыпались один за другим – разбрызгивая помои и грязь, ломая спицы колес коляски и щедро наставляя синяки и ушибы Луке. Парни улюлюкали, гоготали, выкрикивали непристойности и распалились все больше, подзадоривая друг друга особо удачными бросками или оскорблениями.

Один из камней попал Луке в плечо. Вспыхнула боль, и его правая рука онемела, теперь он не может управлять коляской, а следовательно – отступать! В глазах защипало, но не от боли, а от обиды. Как же он ненавидел свою беспомощность! Как мечтал встать! Да хотя бы ползать! Он бы дополз до каждого и вгрызся зубами!

Злость Луки была направлена на богов, если они есть, на несправедливость мира, на родителей... Отец потратил кучу денег, чтобы поставить сына на ноги, но ни многочисленные знахари, ни редкие, специально привезенные из степей шаманы, ни профессиональные лекари из гильдии целителей не смогли ничего поделаться с его недугом.

Одна гадалка сказала, что на сына легли грехи родителей, сочиняла, скорее всего, но Луке это отчего-то запомнилось. Наверное, оттого, что винить во всем родителей проще всего. Вот же они, рядом...

Были рядом. Отца уже нет, мать сдает с каждым годом, а сестренка Кора завершит жизненный путь в борделе – в этом Лука был уверен. Легконогая, фигуристая для своих пятнадцати лет, улыбчивая и без каких-либо нравственных принципов. А еще с вечно разбитыми коленками. Кора брала все, что плохо лежит, не боялась лезть в драку с мальчишками намного старше, а уж откуда она иногда приносила и за что получала дорогостоящие вещи: косметику, побрякушки, новые платья... Лука не хотел и знать. Он любил сестру, она любила его, и этого ему было достаточно.

– Эй, калека!

Лука непроизвольно обернулся. В последнюю секунду жизни он увидел перед собой огромный, заслонивший солнце булыжник.

Глава 2. Межмировой вселенский странник

Эск'Онегут, один из межмировых вселенских странников, закончил свою жизнь на Земле двадцать первого века в теле российского студента, чье имя звучало намного реже, чем его ник – Крастер. Студент последнего курса факультета журналистики Илья Пашутин в журналистику вовсе не стремился и поступил в институт только по настоянию родителей. Вернее, отца, бывшего военного, который поставил сыну ультиматум: армия или учеба. Илья выбрал последнее и... игры.

Мир компьютерных игр так увлек Эск'Онегута, что с десяти лет он почти все время проводил за компьютером. Для Эск'Онегута это была девяносто восьмая реинкарнация, и, как каждый странник, от жизни к жизни он становился сильнее, набирая очки Тсоуи, что на безмолвном языке означает «баланс поступков», определяющий влияние на вселенскую гармонию. Очки Тсоуи можно было потратить на кручение Колеса.

А Колесо использовать, затрачивая очки Тсоуи, разрешалось сколько угодно раз – только плати. На нем были размечены миллионы секторов. Много пустых, отрицательные, но имелись и очень мощные, дающие телу сверхспособности: невероятную силу, высочайшую скорость, смертельные боевые навыки, магические и творческие способности...

Таланты, разбросанные по Колесу, делились на четыре уровня: от обычных до непревзойденных – лучших в мире. Эск'Онегут смутно припоминал, как в одной из прошлых жизней выиграл на Колесе умение становиться невидимым. Ох и покуражился он тогда! О воре, в теле которого он прожил почти шесть лет, в том мире, наверное, до сих пор ходят легенды.

На Земле Эск'Онегут узнал понятие, наиболее близкое к Тсоуи, – карма. Вот только был уверен, что карма – это выдумка и профанация, ибо берет в расчет поступки, измеряемые по мерке весов самого человека и тех, кто его окружает. В Тсоуи же поступки странника оцениваются по влиянию на вселенскую гармонию, ведь каждое действие, каждое слово кругами на воде расходится в прошлое и будущее всей Вселенной.

В тело Ильи Эск'Онегут попал, когда тому исполнилось четыре года. Мать не уследила, малыш попал под разогнавшиеся металлические качели во дворе дома на детской площадке. Невинная душа унеслась во вселенское хранилище – ожидать следующего перерождения, если оно будет, – а в тело маленького Ильи вселился Эск'Онегут. Так вышло, что он в тот миг как раз умер в предыдущем.

В жизни до Земли он императорствовал на одной из периферийных планет Галактики, наслаждаясь всей полнотой власти и культом собственной личности. Лучшие самки, лучшие пьянящие и наркотические вещества, прекрасные блюда, исполнение любых прихотей – как самых извращенных, так и мельчайших...

Воистину, он стал худшим императором в истории той планеты, название которой в силу эффекта Затухания он уже не помнил. Немудрено, что его отравили.

Затухание – проклятие каждого странника. Эффект стирает память о прошлых жизнях, но знание о самом факте их существования сохраняется, как и воспоминания о последних минутах перед смертями. И чем ближе по счету прошлая жизнь, тем больше Эск'Онегут помнил. До императорства он был великим музыкантом и певцом, исполнителем собственных песен, это он знал, но, разрази его гром, не помнил ни строчки из того, что тогда сочинил.

Память о годах императорства, девяносто седьмой жизни, сохранилась у Эск'Онегута и в теле Ильи. Пресыщение властью было столь сильным, что на Земле двадцать первого века ему не хотелось ничего подобного. Изведав все доступные и недоступные радости жизни, которые были еще свежи в воспоминаниях, на Земле странник открыл для себя мир компьютерных игр. Осознав, что виртуальные миры, по сути, есть то, чем он и занимается, только в меньшем

масштабе и с возможностью в любой момент сменить мир и виртуальное тело, Эск'Онегут ушел в них с головой.

К концу своего земного пути в теле двадцатилетнего Ильи Пашутина своим бездельем и равнодушием к окружающему миру странник заслужил минусовое значение Тсоуи. Мало того что вся жизнь на Земле прошла без использования Колеса, так еще и удачливость стала отрицательной.

А если Фортуна повернулась к тебе задом, бесполезно выдавать пошлые шуточки. Эск'Онегут, для всех остальных Ильи Пашутинов, безвременно погиб, попав под машину, – торопился на семинар после бессонной ночи за компьютером.

«Черт, только не это! – подумал Эск, упомянув вполне себе земных чертей, потому что все еще считал себя земным студентом. – Завтра же гильдейский рейд! Пропущу... Ванька будет недоволен...»

В следующее мгновение он перенесся в другой мир и другое тело. Вот оно – его девяносто девятое перерождение. Его девяносто девятый мир.

Опять двадцать пять! Он мысленно вздохнул. Освоение нового тела, изучение нового мира... Надоело.

Эск'Онегут открыл глаза и попытался пошевелить конечностями. Ноги не слушались. Такое иногда случалось, если новое тело физиологически отличалось от предыдущего, но геном явно идентичный – человеческий. Казалось, с телом что-то не так.

Решив разобраться с этим потом, странник погрузился во вводные данные.

Эск'Онегут, девяносто девятая жизнь.

Уровень влияния: 9.

Очки Тсоуи: -971 (значение отрицательное).

Рукав Ориона, Млечный путь, Солнечная система, планета Земля.

Вариация Вселенной: #ES-252210-0273-4707.

Итак, он все на той же Земле, только в параллельном пространстве. Это хорошо, переживать не придется – как тогда, в теле восьмипалой рептилии. А вот то, что очки Тсоуи ушли в минус, это очень-очень плохо. За что такой минус? Он же ничего не делал, просто играл в компьютерные игры!

Возможность перерождения недоступна. Баланс очков Тсоуи должен быть выше нуля.

Право на перерождение с отрицательным балансом: исчерпано.

Право на разовое использование Колеса: доступно.

Эск'Онегут мысленно выругался, помянув всех богов, известных ему по прошлым жизням. Императором он ушел в минус впервые за все перерождения, но был уверен, что отыграет очки Тсоуи в теле Ильи. Тогда он решил просто не делать ничего, что могло отрицательно сказаться на балансе. Как оказалось, за «ничего не делать» Тсоуи карает жестче, чем за все смертные грехи в теле императора...

Попав в тело будущего российского студента Ильи, Эск'Онегут использовал право на разовое использование и крутанул Колесо, но выпал пустой сектор. Хорошо хоть, не отрицательный, могло выпасть какое-нибудь проклятие типа неизлечимой болезни или ограниченных умственных способностей. На большее очков Тсоуи уже не хватило, много было потрачено императором. Потрачено и утеряно.

Решив, что раз уж права на перерождение у него больше нет, то начинать жить надо как можно скорее, он вернулся в реальный мир и осознал, что лежит в какой-то глубокой вонючей

луже. Запах от нее шел кошмарный. Странник поморщился и попытался встать, но ничего не получилось.

Вода омывала лицо, заливая глаза, нос, рот и одно ухо. Это было крайне неприятно.

Сделав усилие, могучий дух вобрал в себя личность нового тела, включая все навыки и память, и на клеточном уровне исправил повреждения и дефекты организма.

А потом он, пошатываясь, встал и оглядел свой новый мир.

У края лужи стояли какие-то чумазые подростки с изумленно вытянувшимися лицами. Один из них – Эск-Лука понял, что это Карим, – выпучив глаза, заорал:

– Калека, ты что, научился ходить?

Память Луки Децисиму, семнадцатилетнего сына погибшего гладиатора Севера, мальчика-овоща, окончательно осела и структурировалась в разуме Эск’Онегута. Личность калеки кипела столь сильной яростью, что Эск, если можно так сказать, попятился, отступая перед ураганом гнева беспомощного изгоя. Ему стало неуютно.

Черт! Да и устал он жить, ведь жизнь – это не только удовольствия, но и грусть, печаль, боль, голод, потеря близких, необходимость трудиться и что-то делать... Столетия, да что там, тысячелетия непрерывной жизни утомили вселенского странника.

И он, мысленно шепнув: «Черт с тобой, живи. Я побуду зрителем», – передал бывшему калеке бразды правления телом, системой Тсоуи и разумом.

Лука, недоверчиво похлопав себя по бокам, рукам и ногам, ощутил, что абсолютно здоров.

Он поднял голову и недобро взглянул на Карима.

Глава 3. Волшебное исцеление

– Карим вылечил калеку! – вдруг закричал Толстый Пит. – Волшебный бросок!

Шутку не поддержали. После последнего попадания Лука свалился с коляски и неподвижно лежал довольно долгое время. Они решили было, что тот умер, и собирались разбежаться, пока не появилась стража – маловероятно, но все же. Но калека встал!

Не веря своим глазам, подростки продолжали пялиться на Луку. Тот же не терял времени. Мнимым было выздоровление или нет, но неизвестно, когда это закончится. Мальчик, обтерев рукавом лицо, выбрался из лужи, подобрал пару булыжников, лежавших ближе всего, и, неумело замахнувшись, бросил.

Камень пролетел пару локтей и, поднимая кучу брызг, плюхнулся в лужу. Хулиганы удивились, а потом разразились хохотом.

Немедля Лука бросил еще один, и тот воткнулся в грязь рядом. Злясь на себя, Лука стал подбирать и бросать булыжники в тех, кто продолжал издеваться над ним и сейчас, когда он владел телом, но не мог докинуть даже до середины лужи, на другой стороне которой умирали от смеха хулиганы.

Карим аж всхлипывал, держась за живот, а вместе с ним хохотали и остальные. Громче всех надрывался Толстый Пит, правая рука Карима. Он подобострастно поддерживал жоака в любом начинании, ведь сын хозяина трактира щедро делился с ним и другими ребятами недоеденными остатками с тарелок посетителей, а в этом районе столицы еда имела наивысшую ценность.

Сколько раз Лука мечтал, что сможет поднять и вернуть брошенный в него камень! И вот... Будучи всю жизнь прикованным к постели, как и когда он научился бы швырять булыжники? Был бы рядом отец... Да хотя бы Кора, вот уж кто легко и непринужденно смог бы его научить! Но сестренка томилась в застенках тюрьмы, пока мама собирала деньги на выкуп.

Лука огляделся, но камней рядом больше не было.

– Эй, калека! Лови! – крикнул Толстый Пит и бросил в него булыжником.

По привычке Лука неподвижно наблюдал за тем, как летит камень, но вдруг услышал в голове вроде бы свои, но чужие мысли: «Подвинься! Прости, но я не могу на это смотреть!» – после чего его тело само собой принялось двигаться, сделало разворот и прогиб, уклоняясь. Камень пролетел в дюйме от него.

– Ничего себе! А ну, парни, пусть потанцует!

Цель стала подвижной, и это раззадорило хулиганов. Суется, они стали хватать что ни попадя и бросать в Луку. Но мальчик нашел даже определенное удовольствие в том, чтобы не дать им попасть в себя. Не делая лишних движений, он легко уклонялся от всего, что в него летело.

«Надоело, – подумал Лука-Эск. – Моя очередь». Меткими выверенными бросками он вывел из строя Натуса, сына торговца рыбой, Джамалю, чумазого остолопа с полным отсутствием ума. Потом дошла очередь до Толстого Пита – булыжник угодил прямо в желеобразный живот, выбивая из легких воздух. Пит согнулся и рухнул лицом в лужу.

Лука подкидывал в руке очередной камень, раздумывая, в какую часть тела Карима его бросить. Тот заметался, не зная, то ли бежать, то ли помогать друзьям. В итоге он спрятался за Толстого Пита, вытащив того из воды, как бегемота из болота.

Лука прицелился. Из-за спины Толстого Пита высовывалось плечо Карима, в него он и швырнул. Камушек был небольшой, размером с перепелиное яйцо, но тем точнее вышел бросок. Наглый и задиристый семнадцатилетний сын трактирщика взвыл, как девчонка. Глядя на это, его свора захохла, переглянулась и... побежала!

– Подождите меня! – завопил Карим и помчался за остальными.

Обернувшись, он сорвавшимся голосом прокричал:

– Ты труп, калека! Ты труп!

Лука смотрел ему вслед, чувствуя, как в груди зарождается нечто неизведанное. Это было удовлетворение. Ему нравилось, как послушно тело, как быстро бежит кровь по жилам, нравился клекот выплеснутой, по-настоящему выплеснутой ярости. Ведь раньше он мог только беззвучно, чтобы не разбудить маму с сестрой, плакать ночами или скрипеть зубами и вращать глазами. Он не позволял себе истерик, не желая казаться еще слабее, чем был, а потому гнев копился в нем, подобно лаве, подступающей к жерлу вулкана.

Сейчас он дал волю чувствам, и на место заслоняющего мир гнева пришло тихое, умиротворенное удовлетворение. Эск'Онегута позабавило происшествие, но и он чувствовал то же, что и Лука.

Все-таки у них было одно тело.

Тело, которое начало отчаянно болеть. Атрофированные мышцы, казалось, впали в шок от запредельной нагрузки. Ноги Луки подогнулись, но он сумел не упасть. Шатаясь, мальчик добрался до коляски, поставил ее на колеса и, преодолевая боль, выкатил из лужи. Едва сделал это, он тут же упал на сиденье, принял удобное положение и покатил в сторону дома.

В лачугу он заходил уже на своих ногах. Мать, не заметив его, продолжала тереть белье на стиральной доске. С нее ручьями лился пот, но она стирала так остервенело, будто от этого зависела жизнь ее детей. Хотя так оно и было.

«Срань Хорваца, куда я попал?» – подумал Эск, и та же мысль пришла в голову Луке. Мальчик посмотрел на место, где он прожил последние годы, новыми глазами. Да и с другой высоты – с высоты своего роста.

Единственная комната на всех. На одной половине плохо освещенного помещения все кровати, маленький обеденный столик, сундук со старым барахлом. Вторую половину занимает прачечная – повсюду развешано белье, к стене жметесь гладильный стол со старым чугунным утюгом. В углу напротив стирает мать. Мыльная вода в тазу и ведрах на полу уже черна от грязи, и вскоре матери предстоит тащиться за квартал отсюда к общественному колодцу. Никаких рек, озер и прочих естественных водоемов в столице не водилось, и жители трущоб брали чистую воду в общественных колодцах.

Выжав белье, она слила воду в ведро, поставила таз на место и выпрямилась. Лука заковылял к ней:

– Мама...

Приска подняла голову, заметила стоящего перед ней сына и потеряла сознание, начала оседать, но Лука кинулся к ней, чтобы не дать упасть.

«Силенок-то совсем нет», – заметил Эск, когда, не удержав тело матери, рухнул на мокрый пол.

Аккуратно удерживая женщину, он сел и погладил ее по голове. Приска была очень красива, когда выходила замуж за отца, но последние годы совсем ее подкосили. Лицо осунулось, под глазами набрякли мешки, волосы поредели, а грудь обвисла после рождения Кору. Но она оставалась привлекательной, хотя это было сложно заметить сразу.

– Мама, мам... – тихо шептал Лука. – Мама, очнись!

Он коснулся губами ее лба. Приска открыла глаза. Лука встал сам и помог подняться матери.

– Не приснилось! Не приснилось! – глаза мамы наполнились слезами. – Лука! Сынок!

– Да, мам...

– Но как? – воскликнула женщина.

Лука рассказал ей все, разве что умолчал о том, как бросал камни в ответ. В его версии событий хулиганы разбежались, стоило ему подняться.

– Чудо! Чудо! – не уставала повторять Приска, целуя и обнимая сына.

Слезы так и лились из ее глаз, она была мокрой от стирки и пота, да и Лука только вылез из лужи. Обнявшись, они долго так стояли: Лука прижимал мать к груди и впервые смотрел на нее сверху вниз. Теперь он видел, как много у нее седых волос.

– Мама, я схожу за водой. А ты пока отдыхай.

– А ты сможешь? – Приска недоверчиво осмотрела сына с головы до ног.

– Я постараюсь. Буду носить по одному ведру, не переживай. Отдыхай, мам.

Лука отвел ее к кровати и усадил, а сам взял полное ведро и, сжав зубы, делая маленькие шажочки, понес из дому, чтобы вылить в канаву грязную воду и принести чистой.

Эск, наблюдая за этим, подумал, что мальчишка надорвется.

Пора крутить Колесо.

Глава 4. Разовое использование Колеса

Возле изгороди Лука остановился и поставил ведро на землю. Пальцы ныли, предплечье налилось свинцом. Если взять в другую руку, станет полегче, но в голове настойчиво бил звончок, требующий внимания.

Затаившийся Эск'Онегут мысленно ухмыльнулся: «Ну же, пацан, давай, не тяни!»

Лука потер глаза, проморгался и отпрянул от внезапно появившегося прямо в воздухе блока с текстом. Мальчик потянулся к буквам рукой, но ничего не ощутил. Они висели перед ним и двигались, стоило ему повести глазами. Текст всегда был в центре внимания Луки!

«Вот же дикарь!» – вздохнул Эск, но отобрать управление у Луки не решился. Уж больно хрупким было равновесие двух разумов, слитых в одном теле. Если Эск'Онегут вмешается напрямую, мальчик может сойти с ума – в нем недостаточно духа.

Выжатая на задворки сознания, его личность истлеет быстрее, чем странник произнесет: «Хорвац побери!» Хорвац'Онегут был его старым другом. В одной из жизней он умудрился стать божеством в том же мире, где Эск'Онегут прозябал в роли жреца местного Истинного, пока не сменил веру. В той войне, священной для половины населения планеты, Хорваца низвергли, но в последующем, пересекаясь в разных мирах, странники сохранили дружбу. И при сказки о Хорваце остались.

Пока странник вспоминал былое, Лука совсем освоился и в очередной раз перечитывал написанное, непроизвольно шепча вслух:

– Лука Децисиму суть Эск'Онегут... Очки Тсоуи: минус девятьсот семьдесят один...
Активировано право на разовое использование Колеса. Использовать? Да... Нет...

Из маленького окна выглянула мама Луки:

– Сынок, что случилось? Как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, мам. Остановился передохнуть, с непривычки руки болят.

– Давай я отнесу... – начала Приска, но сын ее перебил:

– Нет, мам. Я сам!

Сказано было твердо и уверенно. Мать покачала головой, но по мимолетной улыбке было понятно, что она не просто довольна – горда! Ее голова исчезла из окна, а Лука вернулся к странному тексту.

Подумав с пару секунд, он ткнул пальцем в «Да».

Мир вокруг замер и затих. Текст исчез, а весь обзор заняла часть огромного Колеса. Оно казалось вполне реальным, но было таким же миражом, как и текст до этого. Плоскость уходила в обе стороны от Луки, заслоняя все окружающее. В высоту оно возносилось далеко в небо, так что Луке был виден только один его сегмент, тот, что перед ним. Этот сегмент был зеленого цвета, и на нем огромными буквами значилось: «Старт!».

Эск'Онегут подкинул мальчику знаний, и Лука понял, что деления бывают разных цветов.

Зеленый сектор только один, это стартовый, и если после вращения выпадет он, можно будет сделать еще три вращения бесплатно.

Красные сектора приносят игроку болезни, увечья, снижение показателей и отрицательные таланты. Например, талант издавать адскую вонь. Таких мало, но зато каждый красный сегмент в несколько раз шире других.

Белые пусты и ничего не дают игроку, лишь сжигая попытку. Их больше трех четвертей от всего количества.

Синие, очень редкие, награждают полезными талантами, и чем насыщеннее цвет – от бледно-голубого до ультрамарина – тем выше уровень дара. Ультрамаринный сектор дает вос-

требуемый в местном обществе талант, владение которым делает владельца непревзойденным мастером, лучшим за всю историю мира.

Но самым желанным – и охваченный азартом Лука хорошо это прочувствовал – был золотой сектор. Сияющий, отливающий в лучах солнца золотой сектор сверхспособностей. Каждая из них может нарушать законы физики и магии и действует вопреки всему. Полная неуязвимость безо всяких магических щитов и брони, телепортация в любую точку планеты, абсолютная невидимость, невероятная мощь и сила, позволяющая касанием пальца разрушать горы...

Шанс, что выпадет золотой, приближается к нулю при любом количестве вращений Колеса, и каждый странник, заполучивший заветный сектор, добивался невероятных высот в том мире, где ему улыбнулась удача.

Существовал еще фиолетовый сектор – единственный на все Колесо. По крайней мере, ходили такие слухи среди странников, но Эск'Онегут никогда его не видел, хотя испытывал удачу много раз.

Озарение за озарением, идея за идеей, шаг за шагом – так Эск'Онегут постепенно раскрывал перед мальчиком истинное положение дел, давал понимание того, что с ним произошло, чтобы рано или поздно добиться полного слияния и жить уже единой личностью. Лука просто думал, что удар камня сделал его другим и ему открылись новые знания и умения.

Набрав полную грудь воздуха, Лука коснулся слова «Старт!».

Медленно, чуть ли не скрипя, Колесо стало набирать разгон. Перед Лукой пронесся стартовый сектор, сразу за ним шла чередой белых, мелькнул золотой, снова много белых, красный, белый, белый, еще красный, белый, белый, белый, голубоватый...

Колесо вращалось все быстрее и набрало такую скорость, что цвета секторов слились в одно смазанное пятно, ничего не было видно, Лука потерял контроль над телом, как и Эск. В момент вращения Колеса время останавливается во всей Вселенной, и только сознание игрока, закрутившего его, остается активным, чтобы увидеть результат.

Лука потерял счет времени. Смазанное пестрое пятно стало четче, еще четче, а потом проявились и цвета убегающих секторов.

Ряд белых... Синий... Белый...

Колесо замедляло ход...

Глава 5. Рождение нового странника

Лука разочарованно наблюдал, как Колесо замедляет движение. Скорость уменьшилась настолько, что все поле зрения уже несколько секунд занимал широкий красный сектор.

И мальчик, и Эск'Онегут, поселившийся в нем, умоляли Колесо поскорее проскочить проклятый красный. Лука уже и не думал о сверхспособностях, о талантах, ему хотелось одного: остаться здоровым. При любом другом сегменте он таковым бы и остался, причем с вероятностью выше девяноста семи процентов. Но красный мог принести что-то похуже паралича.

Сам странник иронично ухмыльнулся – так работает Тсоуи. Если тело носителя проклято, то недавнее выздоровление обернется чем-то подобным – красным. Сектор слишком широк. Какой угодно другой уже проскочил бы.

Где-то вверху поля зрения замаячила граница сектора. «Давай, давай», – молил Лука. «Ну же! Именем всех богов заклинаю!» – мысленно рычал странник, разъяренный перспективой провести последнее перерождение в теле дважды проклятого мальчика, а как иначе, если тот родился калекой и сейчас снова им станет?

Граница между секторами почти застыла перед лицом Луки. За красным сектором следовал фиолетовый, странник видел его впервые за все свои девяносто девять жизней.

– Так не бывает! Серьезно? Боги, вы серьезно? – ирония ситуации довела Эск'Онегута, а вместе с ним и Луку, до истерики. Результат не объявили, а значит, Колесо все еще движется.

Эск'Онегут принялся обращаться лично к каждому богу, в силу которых уверовал в прошлых жизнях:

– Жестокий Хорвац, Акатош Вневременной, Безликий Истинный, Боже Всемогуший, К'Тун Оскверняющий...

Он успел перечислить всех и пошел по второму кругу, и тут Колесо остановилось. Луке казалось, что граница между секторами находится точно меж его глаз, но межмировой странник ликовал: пусть микроны преимущества, но в пользу фиолетового!

Право на разовое использование Колеса реализовано.

Результат вращения: фиолетовый сектор.

Награды: звание «Реминисцент».

– Эск'Онегут освобождается от эффекта Затухания, сохраняя весь накопленный опыт жизненных лет, начиная с текущего перерождения;

– Эск'Онегут сохраняет все приобретенные положительные таланты, сверхспособности и эффекты, начиная с текущего перерождения;

– при повторном выпадении фиолетового сектора Эск'Онегут получает право выбрать одну из утерянных сверхспособностей прошлых перерождений.

На Луку обрушился шум улицы. Он снова владел телом, а мир ожил. Мальчик морщил лоб, перечитывая непонятный ему текст.

Странник его устами расхохотался. Фиолетовый сектор – мифический фиолетовый сектор! – выпал ему в тот самый момент, когда ни одна из его наград никак на него не влияла. Уж лучше бы выпал самый захудалый талант, пусть даже умение играть на любом музыкальном инструменте! Можно было бы хотя бы зарабатывать вечерами по трактирам.

Эск'Онегут оказался в положении миллиардера, которому пообещали вечную жизнь и сохранение всех его денег тогда, когда гроб с телом внутри уже заколотили и закопали. Что толку от отмены Затухания, если это последняя жизнь? Отыграть минусовые очки Тсоуи, почти

тысячу между прочим, за жизнь в теле нищего подростка невозможно. В своих лучших пере-рождениях странник зарабатывал несколько сотен, но никогда больше полутысячи.

Так что ни о каких новых талантах, которые бы с ним остались в будущих жизнях, если фиолетовый сектор выпадет повторно, речи быть не может. Потому что будущих жизней не будет, а на то, чтобы снова вращать Колесо, нет очков Тсоуи. Каких-то десять очков – цена на одно вращение – и их нет!

Пока Эск'Онегут сходил с ума, Лука, с наслаждением почесав затылок – не по привычке, а из-за того, что засалились грязные волосы, – взял ведро, схватив покрепче, и понес к канаве. Впрочем, в канаву сейчас превратилась вся дорога, залитая не только многодневными ливнями и весенними паводками, но и бытовыми отходами жителей трущоб.

Мальчик слил туда грязную воду и, определившись с направлением, побрел к общественному колодцу.

Эск'Онегут тем временем перебирал варианты, просчитывал вероятности, решал, что делать, и ничто из придуманного не давало ему ни единого шанса. Неподъемным грузом тянули в пропасть грехи позапрошлой жизни, когда он сжег все, что было, и ушел в минус, а бездействие прошлой повысило отрицательный баланс.

Он обречен влачить существование в не самом дружелюбном и развитом мире, причем без каких бы то ни было талантов и способностей. В конце этого скорбного жизненного пути странник закончит существование навсегда. Он закончит. А Лука?

В сознании забрезжило понимание и, разгораясь все сильнее, дало Эску – нет, не надежду, но ощущение правильности пути. В его – Эск'Онегута! – грехах не было вины и без того несчастного мальчика. А значит...

Надо решаться сейчас, пока не стало страшно! И тогда частица его сущности останется жить на многие, он на это надеялся, жизни. Лишь бы пацан не подвел и оправдал его ожидания.

Эск'Онегут глубоко вздохнул и непроизвольно закрыл глаза. Через биение сердца он активировал Исход.

Эск'Онегут, девяносто девятая жизнь.

Реминисцент (не подвержен эффекту Затухания).

Уровень влияния: 9.

Очки Тсоуи: –971 (значение отрицательное).

Выбрано развоплощение с последующим слиянием с личностью Луки Децисиму (первая жизнь), жителя локации «Рукав Ориона, Млечный путь, Солнечная система, планета Земля. Вариация Вселенной: #ES-252210-0273-4707».

Луке Децисиму будет передано положительное наследие Эск'Онегута.

Глаза, закрытые Эском, привели к тому, что Лука споткнулся, потерял равновесие и упал. Он попытался подняться, но снова рухнул в грязь. Голову пронзила острая боль, но тут же исчезла, чтобы снова проявиться в другой части черепа. Черда болевых вспышек продолжалась несколько минут, и когда Лука подумал, что лучше умереть, чем терпеть такое, все прекратилось.

Мальчик убрал руки от головы, прислушался к ощущениям: боль ушла. Он неуверенно сел и увидел перед собой блок с текстом. Текст дублировался в голове собственными ясными мыслями и его же шепотом.

Лука Децисиму, отныне ты странник.

Живи достойно Тсоуи, соблюдай баланс и гармонию в жизни, и после смерти ты переродишься в одном из миров бесконечной вселенной.

Лука'Онегут, первая жизнь.

Реминисцент (не подвержен эффекту Затухания). Наследник Эск'Онегута.

Уровень влияния: 0.

Очки Тсоуи: 0.

Рукав Ориона, Млечный путь, Солнечная система, планета Земля.

Вариация Вселенной: #ES-252210-0273-4707.

Возможность перерождения: доступна.

Право на разовое использование Колеса: доступно.

Наследие Эск'Онегута, включая награды фиолетового сектора, стало личным опытом и знаниями Луки, так что на этот раз он не стал перечитывать текст, все поняв сразу.

Лука улыбнулся. Его наполнили радость, решимость и вера в лучшее. Он даже ущипнул себя – нет, это не сон. Он действительно стал другим, теперь никто не посмеет поднять на него руку. Сейчас он натаскает матери воды, потом вытащит Кору из тюрьмы, а потом...

Потом он еще раз закрутит Колесо.

Глава 6. Предложение Неманьи Ковачара

Насвистывая что-то очень задорное и мелодичное, всплывшее из памяти Эск'Онегута, Лука вернулся домой с полным ведром чистой воды. У колодца никого не было: видимо, у многих еще не иссякли запасы дождевой воды, набранной во время ливней.

Не единожды сменив руку, держашую полное ведро, мальчик дошел до дома, но ни разу не остановился, чтобы отдохнуть. Он с наслаждением прислушивался даже к болевым ощущениям в мышцах уставших рук, спины, да всего тела, ведь боль значила, что он чувствует, а значит – живет!

Соединившись с сознанием странника, Лука понял, что Карим убил его большим камнем с заостренными краями. Вселение Эск'Онегута позволило ему выжить, а лень, жалость и скука странника – сохранить личность в теле. Когда странник вселился, первичное восстановление моментально залечило все полученные раны и ушибы. Хорошо, что до встречи с мамой Лука догадался смыть кровь водой из бочки во дворе. Для стирки та вода не годилась, но для бытовых нужд – вполне.

У двери он остановился. Из дома доносился приглушенный разговор. После полного оздоровления слух Луки стал идеальным и позволил разобрать каждое слово.

– Признай, Приска, что у тебя нет ни единого шанса выплатить виру, – размеренно вещал вкрадчивый мужской голос. – Ты хочешь, чтобы твоего сына отправили на рудники?

– Ты бредишь, Неманья, – устало и тихо произнесла мать. – Все знают, что Лука увечный от рождения. Как он мог покалечить твоего сына?

– Хочешь сказать, что Карим мне лжет, женщина? Мой сын никогда не лжет! Твое отродье сломало ему ключицу! Оплатишь лечение и выплатишь штраф.

– Сколько?

Лука почувствовал в голосе матери обреченность. Еще не были собраны даже семьдесят пять серебра за Кору...

– Семь золотых. Никаких отсрочек. Плати сегодня, сейчас же!.. – Неманья умолк, хмыкнул и добавил: – Или заходи ко мне после полуночи. Отработаешь!

Мать промолчала, и отец Карима принялся уговаривать:

– Приска, послушай... Будешь старательной и послушной, и, может быть, я скощу долг. Что скажешь?

Ответила ли что-то мать, Лука не расслышал, но о том, зачем хозяин трактира пригласил ее к себе, он знал наверняка, не маленький. Самому об этом пока только мечталось в беспокойных и потных снах, но мама и жирный Неманья в одной постели? Жаль, отца нет рядом, чтобы...

Зато есть он! Разозлившись на самого себя, он ворвался в дом, когда Приска уже решилась на то, чтобы согласиться. Неманья даже успел забраться ей под юбку.

От ярости у Луки распахнулись глаза. Тяжело дыша и сжав кулаки, он закричал:

– Отвали от мамы, мерзавец! Убери свои грязные руки!

– Шустрый пацан. – Трактирщик ухмыльнулся, но руки убрал. – А что скажет она сама? Приска, что ты скажешь?

– Она скажет: «Вон из нашего дома!» Мама к вам не придет, и не мечтайте! Ваш сын и его друзья сами закидали меня камнями и чуть не убили! Голову разбили!

– Надо же, – изумился Неманья. – И правда, ходить начал. А я думал, врет мой сорванец, выдумал все. А оно вон как... Что ж, и где же твои синяки? Есть чем слова подтвердить?

Лука потянулся к виску, чтобы раздвинуть пряди волос и показать рану, но замер, вспомнив, что все исчезло.

– Они... зажили, – сбивчиво произнес он. – Я не вру...

– Так я и думал. – Неманья перевел взгляд на Приску: – Что решила?

Та украдкой бросила взгляд на сына, и усталое равнодушие к ударам судьбы, покорность, с которой она была готова принять грядущие унижения, смущение от этой готовности – все сменилось гордостью.

Впервые за многие годы она увидела в Луке черты своего мужа Севера Децисиму, храбростью, великодушием и мечом завоевавшего положение в обществе и ее сердце.

– Мой сын ответил за меня. Нет!

– Ну, нет так нет, – легко согласился Неманья.

Грубо сдвинув плечом мальчика, он прошел к двери, но остановился, подумал и развернулся.

– И все-таки... Это... Я что мыслю... – Трактирщик прищурился, осмотрел Луку с ног до головы. – Как? Вот так просто взял и пошел? Не в храме, не у лекаря, а сам? Неужели, чтобы излечить калеку, потребовалось просто хорошенько врезать ему по башке? Надо бы запатентовать эту идею! – Он расхохотался. – Ладно, живи, пацан... пока. Приска, к вечеру не принесешь деньги – я отправлю-таки твоего ублюдка на рудники. Ты знаешь, у нас, Ковачаров, слово крепче дуба!

Уходя, он громко хлопнул дверью.

В тот же миг перед Лукой всплыла строчка:

Очки Тсоуи: +1. Текущий баланс: 1.

Связав эту информацию с тем, что произошло чуть раньше, Лука понял взаимосвязь двух событий. Кивнув самому себе, он подошел к матери, поставил на пол ведро с чистой водой, которое все это время держал в руках. Тыльной стороной ладони утер слезы с ее щек и обнял. Крепко прижал к себе, осознавая, что они одного роста. Мать разревелась в голос:

– Что будет, сынок? Что теперь будет?

– Никто ему не поверит, мам. Посмотри на мои руки – они тоньше тростинки. Как я мог сломать ему ключицу? Господин судья – разумный человек, он не поверит их рассказам.

– Да, конечно, он справедлив... – с некоторым сомнением в голосе согласилась она.

Приска совсем успокоилась, когда Лука напомнил ей о незаконченной стирке и Коре, которая томилась в тюрьме. Рудники ей не грозили, но, если не выплатить вовремя выкуп, девчонку могут отправить в воспитательный дом. Последний срок – завтра. И, спохватившись, Приска бросилась к тазу.

– Мама, давай я помогу. Развесить белье?

– Я сама, сынок. Надо вскипятить котел, наносить чистой воды...

В этих хлопотах пролетел день. Лука носил туда-сюда воду, дрова со двора, развешивал и снимал белье, подавал его матери для глажки, помогал с укладкой. Мышцы жгло, они словно налились кислотой, но мальчик терпел, вспоминая, что раньше мать делала все это одна.

В сумерках они уложили готовое чистое белье в корзины, каждая принадлежала отдельному дому, пользующемуся услугами мамы.

Приска не уставала воздавать хвалу всем богам за сына, а когда Лука собрался вместе с ней идти разносить белье, восприняла это уже как само собой разумеющееся. В доме появился мужчина!

И тем острее стало ее безысходное горе, когда в лачугу вломились городские стражники во главе с маленьким злым констеблем, оторванным от ужина:

– Лука Децисиму! Ты обвиняешься в покушении на жизнь Карима Ковачара! Взять его, ребята!

Глава 7. Генетическое отребье

Напоследок стражник дал ему пинка под зад. Лука споткнулся о порог камеры и проехался пузом по склизкому полу. Лязгнув замком, охранник запер дверь и торопливо удалился доедать остывший ужин.

– За что тебя, сынок? – донесся из темноты чей-то низкий хриплый голос.

Лука напряг зрение, но не смог ничего увидеть. Лунный свет, падавший сквозь крохотное зарешеченное окошко, освещал только небольшой участок пола.

Мальчик счел за лучшее не отмалчиваться перед человеком, назвавшим его сыном, и ответил:

– Кинул камнем в сына трактирщика и сломал ключицу. Так говорят.

– А на самом деле?

– Кинул камнем в ответ. Он убежал. Сломал ли я ему что-нибудь, не знаю. Но надеюсь, сломал – он тот еще подлец.

Невидимый собеседник расхохотался. Смеялся он густым утробным гоготом, и казалось, что от этого звука дребезжат даже прутья клетки. Успокоившись, узник вышел на лунный свет, приподнял подбородок Луки пальцем, взгляделся, сверкнул белками глаз на темном лице и мягко спросил:

– Как тебя зовут, малой?

– Лука Децисиму. А вас?

– Терант, так меня звали там, откуда я родом. Здесь у меня нет имени, но не будем об этом. Сколько тебе, десять?

– Мне семнадцать.

– Что? Какого Двурогого? Семнадцать! Надо же! Боги, что за генетическое отребье в Империи?

– Мама говорит, ругаться плохо, – Лука отвечал, просто чтобы поддержать беседу, еле стоя на ногах. – Поминать богов всуе – плохо. Поминать Двурогого...

– Плохо! Я знаю, малыш. Но, клянусь совершенными генами сияющей Тайры, в жизни не видел такого тощего парня! Выглядишь слабее моей дочки, а ей всего семь!

– У вас есть дочь?

– Есть... Была... Неважно! Как тебя ноги держат, Лука Децисиму? У тебя же все кости наружу!

– Отец говорил, надо всегда стоять, даже если тебе отрубили ноги. А ноги у меня есть, – ответил мальчик и рухнул на пол.

Он мог сколько угодно терпеть голод, но каждому надо хотя бы иногда заправляться.

Когда Лука очнулся, оказалось, что он лежит на какой-то подстилке, а под головой у него что-то мягкое. Сосед по клетке подложил ему под затылок свою ладонь, огромную и мясистую.

– Голоден?

Лука моргнул в ответ, не в силах даже открыть рот.

– Тогда потерпи.

Белки глаз Теранта погасли.

Он положил ладонь свободной руки Луке на лоб. А потом сжал голову мальчика так, будто хотел расколоть ее, как орех.

Мальчик попытался взвить, но из горла не вырвалось ни единого звука. Терант тоже молчал. Лука старался вырваться, но тело не слушалось.

От ладоней Теранта волнами шел сильный жар. Он пульсировал, проникая в голову и оттуда распространяясь по всему телу.

Обнаружено внешнее воздействие!

Фиксируется принудительное пополнение энергией. Преобразовано для дальнейшего использования: 64%... 66%... 68%...

На восьмидесяти процентах Терант отвалился и тяжело, хрипло задышал.

Через несколько биений сердца жадно втянул воздух и сам Лука. Он с упоением наслаждался каждым вдохом спертого влажного смрада подземелья.

Открыв глаза, мальчик удивился тому, как ясно и четко он теперь видит. Вообще в нем забурлили силы, много сил, хотелось бегать, прыгать, что-то делать. А еще исчезло чувство голода. Напрочь.

В паре локтей от него лежал Терант. Кожа его казалась абсолютно черной, словно она поглощала свет, но отблески в покрывавших ее каплях пота делали мужчину видимым. В голове Луки заворочался похожий образ и слово «ке-хар»... С подобным Теранту отец как-то дрался на Арене. Кажется, это и был ке-хар.

– Терант?

– Да, малой? Ожил?

– В жизни себя так хорошо не чувствовал! Как вы это сделали?

– О... Дай отдышаться... – Терант сел и утер лоб.

Луке показалось, что мужчина похудел.

– Что ты знаешь о мире, сынок?

– Э... Я не ходил в школу, но знаю, что мы живем в столице Империи. Император Маджуро Четвертый управляет страной.

– Хм... Ладно, допустим. Знаешь ли ты, кто управляет миром? Кто такие раканты, кхары, олаки?

– Я не знаю таких слов... – Лука задумался. – Кхары, точно! Вы кхар? Мой отец дрался с кхаром, он был такой же, как вы!

– А что находится за пределами Империи, знаешь?

– Ничего. Только вода, а за ней край мира и великое ничто, куда низвергаются струи мирового океана. Так меня учила няня.

– Сынок, мир намного больше. Ты знаешь, что такое проценты?

– Это части целого. Один процент – это часть целого, поделенного на сто частей.

– Вся ваша Империя – это меньше одного процента всех жителей мира.

– Чушь! – не удержавшись, воскликнул Лука. – Все знают, что Великая Империя – это весь мир!

– Великая Империя, сынок, это резервация. – Терант произнес незнакомое слово, но Лука понял. – Послушай.

Кхар откашлялся, прочистил горло и, воздев указательный палец, начал говорить:

– Первая семья – семья Ра'Та'Кантов. Про гены я тебе объясню позже, но запомни сразу: у Первой семьи совершенные гены. Безупречные. Эталон человеческой расы. Сто процентов совершенства!

– Они идеальны?

– О да, сынок! Они идеальны. Те же, кто немного не дотягивают до идеала, но всячески к этому стремятся, – раканты. Их очень мало, но им принадлежит все. Семьи ракантов управляют всем миром, но каждая – своей частью. Семья отвечает за свою территорию перед Первой. Они поделили между собой и сферы экономики...

– Экономики? – И снова Лука понял значение, но спросил раньше.

– Ты запоминай все непонятные слова, я объясню их позже. Слушай дальше. Большая часть людей – олаки. Это обычные граждане, специалисты в своих областях: ученые, юристы, ремесленники, коммерсанты, обслуга... Всех их объединяет несовершенство генов. Они более чем на десять процентов не соответствуют эталону.

– А вы кто? Кхар?

– Да. Наш вид создали искусственно. Армия, силовые и охранные организации, стражники и бойцы, спортсмены и телохранители – это мы.

– Как-то наша стража не похожа на вас.

– Ваша стража – никакие не кхары. И они, и ты, и все жители Империи – это съяры.

– Съяры?

– Прости, сынок. То, что скажу дальше, не мои слова, я просто процитирую то, что повторял тысячи раз. – Терант снова откашлялся и заговорил жестко, чеканя каждое слово: – Во всем мире вы – генетическое отребье. Отщепенцы. Изгои. Раكانты блюдут ценность любой человеческой жизни, однако не признают права съяров на пользование какими бы то ни было природными ресурсами планеты и достижениями цивилизации. Во избежание порчи генома человечества единственно допустимым местом пребывания каждого съяра является так называемая Империя.

– Почему Империя не атакует этих ваших ракантов? Мощь и сила...

– Сынок, вся ваша мощь и сила – это палки-копалки, сделанные из дерьма. У вас ничего нет. И живете вы на острове, откуда до ближайшей цивилизации три тысячи миль по буйному океану. Вы обречены.

Лука долго молчал, снося старый фундамент мировоззрения и возводя новый. Теранту он поверил безоговорочно, интуитивно, а интуиция ему от странника перепала отменная. У него остался только один вопрос:

– А как ты попал сюда, Терант?

– О, а я не сказал? Видишь ли, преступникам не место на блаженной и благословенной земле ракантов.

Глава 8. Золотой сектор

С лежанки Теранта давно раздавалось мерное дыхание спящего человека, а Лука все не мог уснуть. Наследие Эск'Онегута – знания и опыт странника – затаилось на задворках сознания и проявлялось только в нужный момент и крайне малыми дозами. Как, например, с теми новыми словами, которые мальчик услышал от кхара.

Поэтому то, что рассказал Терант, потрясло Луку, и он еще долго пытался представить, что это за мир, в котором нет голодных и больных. Самодвижущиеся повозки и сияющая кожа ракантов, которых живописал кхар, казались ему менее удивительными, чем отсутствие голода и болезней.

– Вы, съяры, живете в выгребной яме человечества, – сказал Терант. – И все хорошее, что есть у ваших власть имущих и знати, – обычная контрабанда нашего хлама, собранного на помойке.

«Какой долгий день! – подумал Лука. – И сколько всего произошло! Еще утром я был парализованным калекой и мечтал о корке хлеба. Потом вдруг умер, воскрес и научился ходить! А теперь я в клетке с пришельцем кхаром и узнал о мире больше, чем за всю жизнь! А утром будет суд за то, что я сломал ключицу Кариму! Удивительно!»

О том, что произойдет после суда, он легкомысленно не волновался. Что бы с ним ни случилось в дальнейшем, хуже того, что было, уже не станет.

Он снова попытался уснуть, поворочался с боку на бок, наслаждаясь каждым движением обретенного здорового тела. Одна только возможность легко, просто протянув руку, почесаться приводила его в радостное изумление.

Молодая кровь бурлила от энергии, перелитой Терантом. Лука вскочил и стал мерить шагами камеру. Что-то он упустил, но что?

Колесо!

Стоило ему вспомнить о Колесе, и перед ним снова появился текст, дублирующий его собственным голосом в голове.

Лука'Онегут, первая жизнь.

Реминисцент. Наследник Эск'Онегута.

Уровень влияния: 0.

Очки Тсоуи: 1.

Активировано право на разовое использование Колеса.

Использовать?

Лука замер, вчитываясь, а потом уверенно нажал «Да».

Колесо в этот раз выглядело иначе: может, потому, что он был в темной камере подземелья, а может, потому, что он впервые вращал его осознанно, будучи странником. То огромное, уходящее в звездные просторы Колесо с тысячами тысяч секторов исчезло, вместо него появилось небольшое, размером с поднос.

Оно, казалось, зависло в воздухе, а каждый его сегмент был подсвечен изнутри. Большая часть Колеса светилась чистым, безупречным белым, но встречались и узкие разноцветные сегменты, причем фиолетового среди них Лука не обнаружил, как не было и красных с золотыми. Почти везде сплошной белый и оттенки синего, сливающиеся с доминирующим цветом.

Из кладовки знаний Эск'Онегута пришло понимание: уровень Колеса повышается с каждым использованием, увеличивая его возможности менять странника. Сначала Лука об этом пожалел, а потом успокоился – зато никаких красных секторов! В одной из жизней Эску выпала неизлечимая болезнь. Так он стал нулевым пациентом пандемии, уничтожившей цивилизацию:

зараженные были крайне агрессивны, а успокоить их можно было лишь повреждением головного мозга, что довольно непросто в мире без дистанционного оружия. Такого, как, например, в предпоследней жизни странника.

Лука оглянулся. Терант продолжал спать, и дыхание его было все таким же размеренным. Свет Колеса не освещал ничего и существовал только в голове мальчика. Поняв это, он успокоился и, глубоко вдохнув, запустил вращение.

Стартовый зеленый сектор сменился серией белых, мелькнул бледно-голубой, а потом что-то различить стало невозможным. Колесо разогналось.

«Все-таки не очень удобно, – подумал он. – Ничего не разобрать. Вот бы крупнее сделать...»

Колесо чутко отреагировало, и его размеры увеличились раз в десять. Теперь в пестроте секторов Лука мог вычленивать цвета, отличные от белого, и, кажется, мелькнул даже золотой?

Мальчик заскучал, глядя на однообразие слившихся секторов и слыша только гудение Колеса, будто шмель залетел в дом и бьется о стены в поисках выхода на свободу. Но когда вращение затянулось и стало казаться, что шмелю, а вместе с ним и Луке, вечно томиться в темноте камеры, вращение замедлилось.

Проскочив массу белых секторов, один насыщенно-синий и пару голубоватых (с талантами разной силы), указатель остановился.

Лука уставился на тоненький сияющий золотом сектор и не поверил своим глазам. Всплывшее окошко с результатом поверить заставило, но ждал он совсем не того.

Право на разовое использование Колеса реализовано.

Результат вращения: золотой сектор.

Награда:

– Лука'Онегут получает сверхспособность (применяется к текущему телу и миру существования) «Метаморфизм».

Метаморфизм? Лука Децисиму надеялся, что ему выпадет талант с какой-нибудь редкой профессией, умением, с которым можно разбогатеть в Империи, но это?

Лука'Онегут тем временем радостно потирал руки. Прежде страннику не доводилось получать эту сверхспособность, но он видел ее в действии. Умение управлять всеми процессами в теле силой мысли – это, как и красота, страшная сила! Знал он одного когтистого странника, покрывшего свой скелет и кости редким сплавом...

Метаморфизм

Первый уровень способности.

Возможность управлять своим телом на базовом уровне: контроль температуры, иммунной системы, расхода энергии, обмена веществ, ускоренное восстановление, регенерация тканей и органов, обостренное восприятие.

Импульсивно Лука собрал ладонь в кулак и ударил в каменную стену камеры. Уже внутренне сжавшись от неминуемой вспышки боли, он захотел, чтобы его кулак стал прочнее камня. Железо прочнее камня!

Трансформация невозможна. Недостаточно железа в организме!

Приглушенный стук маленького кулака о камень сменился оглушительным воплем, разбудившим Теранта.

Глава 9. Справедливость судьи Кэннона

Разбитый в кровь кулак зажил за остаток ночи. Когда именно это произошло, Лука не понял. Проснувшийся Терант, совсем как отец (суровый на Арене и мягкий дома), погладил мальчика по голове:

– Не могу обещать, что все будет хорошо, но одно знаю точно: после самой темной ночи всегда наступает рассвет. Ложись спать, малой, и не думай о том, что случится завтра. Ложись спать.

Кхар не знал о Колесе, о странниках и о той награде, проверить действие которой стремился мальчик. Поняв все по-своему, он просто пытался утешить.

Лука лег и мгновенно уснул. А теперь, проснувшись, пытался собрать воедино все отрывочные и многочисленные воспоминания вчерашнего дня.

– Как ты, малой? Хотел бы я пожелать тебе доброго утра, но... Здесь, как я понимаю, завтраками не кормят, – сказал Терант. – И верно, зачем кормить тех, кто уже сегодня будет принадлежать новому хозяину?

Лука потер глаза, зевнул, потянулся и пожал плечами. Поесть хотя бы раз в день было за счастье. К тому же никто его кормить не обязан. Но почему бы не помечтать? Вот сейчас послышатся шаги стражника, который подойдет к двери их камеры и бросит сквозь прутья черствую корку хлеба! Это стало бы прекрасным началом нового дня!

– Двурогий! – воскликнул Терант. – Ты только посмотри на это! Почти натянул и не заметил!

Только сейчас мальчик увидел, что одна нога кхара прикована не к цепи, а к очень тонкому, тоньше нити, бесцветному поводку. Его сложно заметить, но если обратил внимание, то уже не отведешь взгляда – уж больно красивы редкие всполохи отраженного света. Словно поймали солнечный луч и засадили внутрь поводка.

– Знаешь, что это? – спросил кхар.

Лука покачал головой.

– Это струна. Подобные струны – то небольшое, в поставках чего раканты не отказывают вашему императору. Прочнее железной цепи и легче бельевой веревки! Это порождение Двурогого вживается в плоть, срастается с нервной системой прикованного. Рискнувший ее натянуть или оборвать – безумец, чьи нервные жилы будут выдернуты из тела, а смерть наступит раньше, чем он успеет вскрикнуть.

Послышались шаги стражника и звон связки ключей. Лука встрепенулся: неужели принесли поесть?

– Лука Децисиму, на выход! Живо!

Мальчик растерянно обернулся к Теранту.

– Будь сильным, – кивнул кхар на прощание. – Помни, что говорил твой отец.

Понукаемый стражником, Лука прошел в обратном направлении тот же путь, что и вчера, когда его привели, однако у лестницы стражник повел его не к выходу из подземелья, а в другой коридор. Все камеры были забиты народом. Хромые, кривые, уродливые, в язвах и струпьях – заключенные отлично вписывались в историю Теранта о генетическом отребье Империи. Присмотревшись к лицу стражника, Лука заметил, что и с ним не все в порядке – низкий лоб, бельмо на глазу...

– Че зыришь? – рявкнул страж и вlepил мальчику затрещину. – Давай-давай, двигай булками, салага!

Его кривые почерневшие зубы, всегда казавшиеся Луке обычным и нормальным явлением, вдруг сделались противоестественными, уродливыми. Наследие странника вновь проявило себя с неожиданной стороны.

«Ну и урод!» – подумал мальчик, но попробовал завязать начавшееся общение.

– А что будет с ним? – спросил он.

– С кем?

– С кхаром, с которым я сидел.

– С черным? Или казнят, или выкупят, чтобы дрался на Арене.

– А кто выкупит?

– Хватит болтать, мелюзга! Вот привязался!

Стражник дал ему пинка, и Лука ускорил шаг, чтобы не упасть, потирая ушибленное место. Всплыл текст о полученном уроне и регенерации поврежденных мягких тканей, а через биение сердца боль ушла.

Наконец они достигли другого крыла и по лестнице поднялись на улицу. Просторный закрытый двор тюрьмы был полон зрителей, зевак и родственников тех, над кем будет вершиться суд.

Судья Кэннон – скрюченный старец, едва сдерживающий желание уснуть прямо за столом, – что-то прошамкал. Стоящий рядом глашатай громогласно объявил:

– Именем императора! Жизнь именуемого Рахимом Даришта объявляется собственностью Империи отныне и до конца его дней. Раб Даришта приговаривается к отработке своих многочисленных злодеяний против народа Империи на Олтонских рудниках!

Осужденный, повязанный струнами по рукам и ногам, заревел:

– Судья – продажная тварь! Отсо...

Мгновенно образовавшаяся куча мала вскипела на том месте, где стоял несогласный с приговором Даришта. Стража увлеченно месила бунтаря, пока тот не перестал издавать какие-либо звуки. А потом два здоровенных охранника, подхватив тело за ноги, утащили его со двора.

Судья посмотрел в свои записи и снова то ли что-то прошептал, то ли просто зевнул, но глашатай встрепенулся и подал знак. Стражник пихнул Луку в спину и вытолкнул в центр двора. Лука открыл рот, чтобы сказать слова в свою защиту, но спрашивать его никто не стал – Кэннон уже все решил.

– Обвиняемый в нанесении телесных повреждений Кариму Ковачару несовершеннолетний Лука Децисиму приговаривается к штрафу в пятнадцать золотых! Из них семь – претензия господина Ковачара, семь – штраф в пользу Империи и один золотой на судебные издержки! – раздался звонкий голос глашатая. – Обвиняемый! В состоянии ли ты или твоя семья уплатить штраф здесь, сейчас и в полном объеме?

– Лука! – послышался голос матери, а следом раздался ясный и чистый голос Кору:

– Братишка! Сам стоит! Чудо!

– Мама! Кора! – обрадовался Лука и бросился к родным, но споткнулся о вовремя выставленную ногу стражника. В толпе засмеялись.

Судья недовольно посмотрел в ту сторону, где стояла семья Луки, и сделал знак рукой. Его мать и Кору вытащили и поставили пред мутны очи вершителя судеб.

Кора все еще счастливо улыбалась, видя брата здоровым, а не беспомощным, как всю его жизнь.

– Имя!

– Приска Децисиму, господин судья! – едва сдерживая слезы, ответила мать. – Лука не виноват! Мой мальчик до вчерашнего дня и рукой пошевелить...

Кэннон чуть приподнял указательный палец, и глашатай визгливо заорал, обрывая речь Приски:

– Отвечать по существу! Женщина, ты в состоянии уплатить штраф за ублюдка?

– У меня нет таких денег, – прошептала Приска.

– Я найду! Достану! Дайте день! – Кора кинулась к судье, и тот отшатнулся.

Девочку схватили стражники, но она продолжала вырываться.

– Убрать! – скомандовал глашатай, и женщин увели, не слушая их криков и плача. – Кто из присутствующих желает приобрести семнадцатилетнего Луку Децисиму в полную собственность сроком на пять лет?

Толпа загудела, обсуждая характеристики мальчика. Глашатай обеспокоенно оглядел толпу, наклонился к судье, выслушал и изменил условия:

– Пятнадцать лет! Кто из присутствующих желает приобрести семнадцатилетнего Луку Децисиму в полную собственность сроком на пятнадцать лет?

Люди затихли, оглядываясь друг на друга. Раздался чей-то кашель, и поднялась рука.

– Пожалуй, я заберу его. На двадцать пять лет, если позволит господин судья...

Судья Кэннон благосклонно кивнул, а Лука увидел своего будущего хозяина – сухоша-вого смуглого мужчину с орлиным носом. На первый взгляд Лука дал бы ему лет сорок, но потом всмотрелся в покрытое морщинами лицо и старческие пятна на руках и добавил еще двадцать.

Покупатель отсчитал монеты и, не вставая с кресла, протянул глашатаю. Тот мигом оказался рядом, принял деньги и торжественно прокричал:

– Именем императора! Жизнь именуемого Лукой Децисиму объявляется собственностью господина Ядугары сроком на двадцать пять лет.

– Хе-хе... – подал голос судья. – Отличное приобретение, господин Ядугара! Свежая кровь! Ха-ха-ха! Свежая кровь!

Глава 10. Старший ученик Пенант

Сразу после суда, уже за пределами тюрьмы, господин снизошел до нескольких фраз:

– Меня зовут Нестор Ядугара, раб. Для тебя – господин Ядугара. Это, – он качнул головой в сторону парня возле себя, – мой старший ученик Пенант.

Лука, не зная, как ответить, просто кивнул. Старший ученик выглядел бы как обычный парень лет восемнадцати, если бы не определенная странность. Некоторая сутулость, иссохшая кожа, легкая одышка, хотя он сделал всего две сотни шагов, – вкуче все это создавало впечатление, что Пенант начал стареть раньше, чем положено природой.

– Твой ошейник, раб... Отойдешь от меня или Пенанта без разрешения больше чем на сто шагов – умрешь, – сухо продолжил господин Ядугара. – Сделаешь что-то, чего я не просил, – умрешь. Дотронешься до меня без моего разрешения – умрешь. Ты все понял?

Лука непроизвольно потрогал силовой ошейник, кивнул и тут же получил тростью по голове. В глазах помутилось, а от боли брызнули слезы.

– Отвечай, когда тебя спрашивает господин! – злобно прошипел Пенант.

– Пенант, аккуратнее! Упадешь без сознания, ты его понесешь? – ехидно поинтересовался Ядугара.

– Простите, господин, в следующий раз я буду прилагать усилия соразмерно величине проступка раба.

– А следующий раз, уверен, наступит совсем скоро. Этот болван не похож на того, кто все схватывает с первого раза. Говори, раб! Так?

– Да, господин.

– Что «да»?

– Я не похож на того, кто все схватывает с первого раза. И я все понял.

Следующий удар Пенанта явно говорил о том, что сдерживать силу он и не собирался. Старший ученик расхохотался, и, глядя на это, не удержался от кривой ухмылки и хозяин. Отсмеявшись, Пенант пояснил:

– Говори «господин», когда обращаешься к господину, червяк!

– Да, господин старший ученик Пенант! Будет исполнено, господин Ядугара!

Лука бормотал все, что они хотели услышать, одновременно вчитываясь в сообщение: что-то о необходимости усилить кости черепной коробки...

– Смотри на господина, когда отвечаешь, ты...

– Достаточно, Пенант, – сказал старик, увидев, что старший ученик снова размахнулся. – Верни мне трость и веди его в баню. Проследи, чтобы его полностью вычистили, обрили и провели обработку. Не хочу, чтобы он вонял и разносил по дому вшей.

– Сделаю, господин! – Пенант кивнул, вернул трость и, брезгливо понукая и подталкивая, повел Луку прочь.

Ядугара легко и непринужденно поднялся в ожидавшую карету и что-то сказал кучеру. «Поберегись!» – заорал тот, разгоняясь прямо в толпу.

Поскольку вращать головой старший ученик запретил – «Смотри перед собой, деревенщина!» – Лука косил глазами во все стороны. Эта часть столицы, где жили обеспеченные горожане, несильно изменилась с тех пор, как он прогуливался здесь, еще когда отец был жив. Вернее, прогуливалась его нянька, толкая коляску, где сидел маленький Лука. Воспоминания истерлись, разлохматились, но кое-что он узнавал.

Например, общественные бани, которые любил посещать Север. Луке даже вспоминалось, что и он посещал их с отцом, когда был совсем ребенком, но, может, это ему просто казалось.

С ностальгической волны его сбил злой удар в спину.

– Шевелись, раб! – скомандовал Пенант.

Лука прибавил шагу, искоса рассматривая старшего ученика, а потом все-таки решился спросить:

– А чем занимается господин?

Пенант удивился его наглости позже, чем вырвался ответ:

– Господин Ядугара – известный целитель. Его услугами пользуются даже при дворе!

Разозлившись и на себя, что ответил, и на раба, посмеявшегося без спросу раскрыть рот, он отвесил тому затрещину. Удар был такой силы, что Лука, споткнувшись о ступеньку, пролетел вниз кувыркком и повис, схватившись за металлический поручень лестницы.

Поднявшись на ноги, он попытался отпустить поручень, но не смог разжать ладонь, она будто приклеилась к накалившимся за утро кованым перилам.

Страшась получить от Пенанта очередную оплеуху, он силой разогнул пальцы и оторвал непослушную руку при помощи другой.

И успел вовремя. Старший ученик только дошел до него и остановился у дверей бани. Лука взглянул на предавшую его руку и ошарашенно увидел, как едва заметные, будто прилипшие, блестящие пылинки металла поручня впитываются в кожу. Через долю секунды ладонь снова была чиста.

Трансформация прервана! Недостаточно железа в организме!

Лука'Онегут, на основании анализа агрессивных внешних воздействий и полученных повреждений инициировано повышение выживаемости тела:

– кости черепной коробки усилены на 0,001%;

– кости правого кулака усилены на 0,002%;

– кожный покров правого кулака оптимизирован на 0,0013%;

– кожный покров ягодиц оптимизирован на 0,00001%.

Рекомендуется немедленно произвести усиление всего скелета и оптимизацию всего кожного покрова!

Лука не стал следовать рекомендациям, потому что, не читая, мысленно убрал текст, закрывающий обзор, и кинулся открывать двери.

Пенант вошел внутрь и сразу же направился по холлу к банщикам. Договорившись с ними, он оглянулся в поисках Луки и увидел, что тот застрял на пороге.

Старший ученик прищурился. Он никак не мог понять, что происходит с рабом, который корчился, дергал за ручку и вис на ней, вместо того чтобы просто зайти.

– Раб! Лука! – он впервые назвал его по имени. – Живо сюда!

Мальчик никак не среагировал. Разве что его лицо исказилось еще больше.

– Ах ты мелкий засранец! – взъярился Пенант. – Ну я тебя сейчас...

Когда до раба оставалось несколько шагов, тот сам отвалился от двери и рухнул на пол. Старший ученик господина Ядугары не стал любезничать и проявил себя с самой правильной с точки зрения воспитания стороны. В гневе он сыпал ударами по сжавшемуся на крыльце мальчику, и только проснувшийся страх перед господином за порчу товара остановил его раньше, чем он убил раба.

– Ты живой? А? – Он потряс раба за плечо. – Лука Децисиму!

Мальчик открыл глаза, сплюнул кровь и кивнул:

– Да, господин старший ученик Пенант. Я живой.

Преодолев брезгливость, Пенант помог ему подняться и повел внутрь.

Старший ученик господина Ядугары был перепуган и зол, а потому не обратил внимания, что от массивной бронзовой ручки двери в форме птичьей головы ничего не осталось.

Глава 11. Плохие новости

Что с ним случилось перед баней, Лука осознал позднее. Прочность костей и кожного покрова головы, кисти правой руки и ягодиц повысилась больше чем на сто процентов, но этим все и закончилось. Потом, чего бы он ни касался, ничего подобного не происходило. Своим умом до логики происходящего он не дошел, а наследие Эск'Онегута промолчало.

Мальчик смог увязать лишь то, что усиленными и оптимизированными оказались именно те части тела, что пострадали после удара о стену и лущения тростью. Когда он сидел у цирюльника, синяки, оставшиеся после избиения Пенантом, почти сошли. Впрочем, никакого усиления это избиение не вызвало.

Выходя из бани, Лука воспользовался тем, что Пенант шел первым, и сильно ударил рукой в стену. Резкой боли, как в тюрьме, он не испытал, а на фасаде здания появилась вмятина в форме его кулака.

Путь к дому целителя стал занимательным. Пенант, перепугавшись, что чуть не убил или, того хуже, покалечил собственность наставника, всю дорогу от общественных бань до дома болтал без умолку, рассказывая Луке подробности о жизни с целителем.

Главное, что уяснил мальчик: господин суров, скор на расправу, но справедлив. Пенант и сам когда-то был таким, как Лука, разве что судили его не за нападение на кого-то, а за бродяжничество. В столице можно было сколь угодно побираться, просить милостыню, но ночевать следовало под крышей.

Пенант, или Пен, как звали десятилетнего сироту на улицах, попался страже одной счастливой – он сам так сказал – ночью. Накануне вечером мальчик рассорился с лидером ватаги беспризорников, с которыми делил крышу в заброшенном сарае на окраине. В воспитательных целях его выперли наружу, и спать Пену пришлось на улице. Там-то его – снулого, спросонья (а так бы утек) – и сграбастал патруль страдающих от скуки городских стражников.

На следующее утро судья, намеревавшийся отправить его в воспитательный дом, выставил штраф на аукцион.

Так, за один золотой, Пен на следующие пять лет стал собственностью господина Ядугары, а три года назад, когда срок истек, занял место младшего ученика целителя. В наставнике он души не чаял, искренне благодаря небеса и всех богов за ту ночь, когда попался страже. Разве что помрачнел и ничего не ответил, когда Лука поинтересовался, какая во всем этом выгода господину Ядугаре.

Даже в тюремной камере было уютнее, чем в каморке на чердаке дома господина целителя, выделенной Луке. Там хотя бы не протекала крыша. Здесь же все было в грязи, захлавлено, в ключьях паутины, а балки перекрытия свисали ниже роста мальчика – приходилось передвигаться пригнувшись. Скопившаяся за годы пыль искрила в лучах солнца, пробивавшихся в маленькое окошко.

– Твое место здесь, – сказал Пенант. – Наведи порядок и жди дальнейших указаний.

Старший ученик удалился, а позже Лука увидел, как он уезжает с Ядугарой. Еще позже, когда он, собрав мусор, потащил его вниз, узкую лестницу ему перегородила мывшая ступеньки огромная смуглая женщина. Вздвогнув, она подняла голову.

– Пресвятая мать! Ты еще кто такой? – воскликнула она, направив на Луку толстый палец, с кончика которого свисала капля грязной воды.

– Лука.

– А-а-а... так ты, стало быть, новый мальчишка господина Ядугары! – понятиливо покивала женщина. – А старый того... тью-тью...

– А ты кто? – Лука поставил мешок с мусором под ноги. – И куда делся старый?

Проигнорировав его вопросы, женщина вытерла руки о фартук, покачала головой и спросила:

– Голоден?

Не ожидая ничего хорошего, Лука промолчал, но непроизвольно сглотнул. В животе заурчало.

– Еще бы... – задумчиво произнесла она. – Тощий-то какой! Так! Хозяин вернется нескоро: раз взял с собой мерзавца Пенанта, значит, пациент тяжелый. Может, даже оперировать будет, коль с хирургическим чемоданчиком поехали. Что у тебя там? – Она кивком указала на мешок.

– Мусор с чердака.

– Тащи его из дома и брось в кучу на заднем дворе. Вернешься – иди на запах жаркого, – со смехом сказала женщина.

Легко подхватив ведро с мыльной водой, она начала спускаться по ступеням, а обернувшись, добавила:

– Зови меня тетушкой Мо.

– Хорошо, тетушка Мо, – кивнул Лука.

Не считая чердака, дом господина целителя возвышался на три этажа. Первый был отдан под хозяйство и обслугу, на втором господин Ядугара принимал пациентов, а третий считался жилым – на нем размещались спальни господина, старшего ученика и рабочий кабинет с библиотекой. Об этом ему перед отъездом рассказал Пенант, объясняя, куда Луке можно заходить, а куда категорически запрещено.

Мальчик аккуратно высыпал мусор, чихнув, отряхнул мешок от пыли и перебросил через плечо. Возвращаясь, он остановился у колонки с водой, чтобы вымыть руки и лицо.

– Эй! – услышал он за спиной родной голос. – Лука?

Обернувшись, мальчик с радостным изумлением увидел над забором напряженное лицо сестренки. Он замахал рукой:

– Кора!

– Лука! Ха! Наголо обрили! Ха-ха-ха! Лысый-лысый!

Лука подбежал к забору, и лицо сестры расплылось в счастливой улыбке.

– Клянусь порочной матерью Двурогого, ты все-таки ходишь! Бегаешь, братишка! Ох... – Лицо сестренки исчезло, а потом снова появилось. – Скользкий забор, не за что зацепиться ногами... Можешь выйти?

Улыбка сползла с лица мальчика. С виду обычная полоска из кожи, но на деле рабский ошейник – называемый силовым за скрытую в нем незримую мощь – не позволит ему покинуть двор господина без разрешения. Он покачал головой, показав на горло.

– Колдунский? – уточнила Кора. – Не страшно, я найду деньги и выкуплю тебя! Главное, тебя не отправили на рудники! Оттуда никто не возвращается...

– Кора, не надо! Вам с мамой деньги нужнее, да и без меня, такого, как раньше, вам будет проще! Мне дали комнату, – покривил душой Лука, назвав комнатой убогий чердак, – меня кормят! Смотри! Меня даже сводили в баню и одели!

Он покрутился перед сестрой, похваляясь обновками почти своего размера – выдал Пенант, когда они вернулись из бани. Надо быть убедительным, чтобы сестра не влезла ради него во что-то нехорошее или опасное. Тогда мать останется совсем одна!

– Мама... – Кора стала серьезнее. – Лука, она заболела. Вся горит, у нее лихорадка! Я не знаю, что делать! Твой хозяин – целитель, вдруг у него найдутся какие-то снадобья? А может, ты убедишь его навестить нас? Мама обрадуется, если тебя увидит...

– Я поговорю с ним, Кора. Обязательно поговорю! Сегодня же, сразу же, как он вернется! А если...

Его речь прервал разъяренный вопль:

– Лука! Несносный мальчишка! Где тебя ноги носят?

– Ой-йо! Это тетушка Мо! – И Лука затараторил: – Кора! Мне пора! Обними маму за меня! И не смей...

– Лука! Ох и надеру же я твой тощий зад! Живо ко мне! – продолжала распалиться женщина, приближаясь. – Кто это там с тобой?

Кора расхохоталась и сорвалась с забора. Лука услышал, как она застонала, снова упомянула порочную мать Двурогого и крикнула:

– Держись, брат! Я буду приходить!

– Не влезай в неприятности, Кора! Ты слышала? – продолжал орать Лука, когда тетушка Мо схватила его за ухо и потащила домой.

Там она честно выполнила все обещанное. Надрала его тощий, но усиленный метаморфизмом зад, что Лука стерпел, не поморщившись, а потом до отвала накормила жареной тrefбухой с луком и картошкой. После смерти отца столько вкусной еды за раз мальчик не просто не ел, даже не видел.

На все его благодарности она отводила взгляд. Луке показалось, что в ее глазах появились слезы, но рассмотреть он не смог, женщина отвернулась. Тяжело поднявшись, тетушка Мо положила ему еще порцию и стукнула миской по столу:

– Ешь!

Осоловело глядя на нее, он взял ложку, рыгнул, смутился и спросил:

– Тетушка Мо, а что случилось с тем, кто был до меня? Вы назвали меня новым мальчишкой господина, а старый, мол, тю-тю... Что это значит? Господин Ядугара предпочитает делить постель с мальчиками?

Он слышал о подобных вещах от Кору, хотя и слабо представлял процесс. Впрочем, и сама сестра не могла похвастать знанием нюансов.

– Пресвятая мать! – Тетушка Мо трижды провела пальцем по правой щеке, взывая к матери богов. – Что за мерзости лезут из твоего грязного рта? Господин целитель охоч до юной плоти, но той, что с дырочкой между ног, неразумный ты мальчишка!

– Тогда почему...

– Довольно! Никогда и никого не смей расспрашивать о господине! Ты меня понял, Лука? Тем более не задавай подобных – да вообще никаких – вопросов господину! Иначе встретишь свой следующий рассвет в могиле! Марш к себе!

Лука сполз с высокого стула, еще раз поблагодарил тетушку Мо и, еле двигаясь, поплелся на чердак. Что бы она ни говорила, ради мамы ему сегодня придется задать вопрос господину.

Все-таки Пенант говорил, что тот справедлив и великодушен.

Глава 12. Приступим!

Лука привел чердак в полный порядок: выкинул мусор и хлам, вымыл полы и все поверхности, снял паутину из всех углов и с балок перекрытия. Убирался он машинально, так, будто делал это много раз, но по факту – это была его первая уборка в жизни, и магия преобразования хаоса и нечистоты в порядок и уют вдохновляла.

Вечером его снова покормили, правда, на этот раз вместе с другими рабами. Их было немного: уже знакомая ему тетушка Мо, смешливая девушка Рейна и сухой жилистый мужчина с военной выправкой, чье имя Лука пока не узнал. Последний забрал свою порцию и вернулся к воротам, где исполнял роль привратника.

Рейна не уставала выпытывать у Луки подробности его свободной жизни. Сама она оказалась в столице не по своей воле. Ее мать слегла от болотной лихорадки и больше не встала, а отчим на следующий день после похорон продал падчерицу пронырливому работоторговцу, чей путь лежал через их село. На первом же аукционе девочку выкупил господин Ядугара, а с какой целью – было настолько очевидным, что Лука тактично не стал спрашивать. Сейчас Рейне было двадцать, и почти треть жизни она провела в этом доме.

После ужина Лука вернулся на чердак и, заскучав, стал размышлять о своем даре. Он думал о нем целенаправленно, задаваясь вопросами о сути, возможностях, о том, как его получил и кем теперь может стать – не только в этой жизни, а вообще, – и разум, покопавшись в наследии Эск'Онегута, вытащил оттуда ответы и *знание*.

Лука, вернее, Лука Децисиму – только тело. А вот Лука'Онегут – это, собственно, он сам, та личность, что росла в нем, объединилась с опытом Эск'Онегута и после этой жизни продолжит существовать. Пусть даже в другом мире и в новом теле.

Это знание привело к мыслям о Колесе. Ограничений на вращение нет, и чем чаще это делаешь, тем выше становится уровень Колеса, но каждая попытка стоит десять очков Тсоуи. Как улучшить Тсоуи, Лука пока до конца не понял. Любые поступки, идущие на благо вселенской гармонии и баланса? А как улучшился вселенский баланс, когда он вступился за мать и получил за это свое первое очко? Что вселенной до судьбы стареющей самки разумного вида одного из бесчисленных миров? Тем более, как выяснилось, с дефектным генетическим кодом.

Впрочем, осознание всего этого не дало Луке ничего такого, что изменило бы его планы. Он в первую очередь оставался мальчиком – сыном своей матери и братом непутевой сестры, – и самым важным для него было убедить господина Ядугару если не вылечить маму, то хотя бы разрешить ее навестить.

И если с мамой все будет хорошо, он подумает, как освободиться. Оставаясь в рабстве у Ядугары, родным не поможешь.

Целитель с учеником вернулись домой поздним вечером. К этому времени Лука совсем заскучал. Проводить в неподвижности многие часы и дни ему было не в новинку, да он так всю жизнь просидел! Но вместе со здоровьем пришло и свойственное возрасту желание двигаться.

От нечего делать он ухватился за балку перекрытия и попробовал подтянуться, делая это не как целенаправленное физическое упражнение, а просто нагоняя упущенное в детстве и познавая возможности здорового тела. Подтянуться не удалось, и тогда он просто повис, раскачиваясь и болтая ногами.

Сквозь окошко пробивался лунный луч, но его не хватало, чтобы полноценно осветить чердак.

Так Лука и висел в темноте, периодически срываясь, чтобы отдохнуть, и его метаморфизм, оценив, что некоторые мышцы надо усилить, зафиксировал где-то в своем незримом плане: сделать это, когда в организм поступит нужный материал. Желательно с запасом, чтобы владелец способности обладал должной выносливостью для хвата и подтягивания.

Когда руки окончательно утомились, Лука зацепился ногами и повис вниз головой. В таком состоянии его и обнаружил Пенант, зашедший проверить, как выполнено задание. Прищурившись, он походил вокруг, высматривая недоработки. Светил он масляной лампой и, оглядев помещение, что-то пробормотал и начал орать:

– Что ты делаешь, Двурогий тебя побери?! Живо слезай оттуда!

Лука спрыгнул на пол и, вытянувшись в струнку, доложил:

– Ваше задание выполнено, господин старший ученик Пенант!

– Вижу... – хмыкнул он. – Спать будешь здесь. Возьмешь у Морены тюфяк.

– У тетушки Мо?

– Я не владею информацией о ваших родственных отношениях, раб. Но да, у Мо. На рассвете будь готов, я найду за тобой. Господин Ядугара хочет провести кое-какие... исследования.

– Будет сделано, господин старший ученик Пенант!

Пенант снова хмыкнул и вышел. Лука подождал, когда на лестнице затихнут его шаги, и спустился к тетушке Мо за пресловутым тюфяком. Той нигде не оказалось, зато он встретил Рейну.

Девушка сидела перед зеркалом в общей комнате и красила лицо.

– Чего тебе? – недружелюбно спросила она.

– Я ищу тетушку Мо, Рейна.

– Ее здесь нет.

– А где она?

– Не имею ни малейшего понятия. Свали!

– Э... У тебя все хорошо? – решил поинтересоваться Лука. Поведение девушки резко отличалось от того, что было до этого. – Рейна?

– Не твоего ума дело! – Она чихнула, и это плохо сказалось на пудре, взметнувшейся в воздух. Это привело девушку в бешенство. – Исчезни, мелюзга!

– Хотя бы скажи, где мне взять тюфяк? Господин старший...

– Пошел вон! – Она вскочила и, схватив мальчика за ухо, потащила его прочь из комнаты. – Чтобы я тебя больше не видела! Вон!

Обескураженный подобным приемом, Лука поплелся наверх. Куда делась веселая и дружелюбная Рейна, во время ужина заботливо подкладывая ему на тарелку побольше каши с потрохами? Лука рос среди женщин и догадывался, что резкие перепады настроения у них – это нормально. Но перевоплощение Рейны в злобную фурию было слишком резким.

Поднявшись к себе, он завалился на дощатый пол чердака, свернулся калачиком и уснул.

Среди ночи Лука проснулся от холода и принялся ходить и приседать, чтобы разогнать кровь и согреться, а потом снова попытался уснуть. С первыми лучами солнца он, наконец, смог это сделать, и тем неприятнее стало пробуждение.

– Встать, раб! – Пенант пихнул его носком ноги в бок, но Лука только что-то промычал, не открывая глаз. – Встать!

Озлобившись, старший ученик ткнул его под ребра изо всех сил. Такой удар мальчик не смог проигнорировать и вскочил, непонимающе крутя головой, протер глаза и произвольно зевнул.

Пенант вlepил ему пощечину:

– Живо вниз! Умоешь свою рожу – и в кабинет к господину!

Лука сделал несколько неуверенных шагов к выходу, пошатнулся, и здесь его настиг смачный пинок под зад. Воспитательная мера дала результат: придала рабу ускорение и заставила пошевеливаться. Пенант криво ухмыльнулся – даже такая маленькая власть наполняла его ощущением значимости и упоительным чувством превосходства.

Когда перепуганный Лука взлетел по лестнице и несмело постучался в кабинет господина, его сердце колотилось, как у мусорного воробья. Осознание того, что рассерженный лекарь вряд ли согласится помочь матери, напугало его сильнее, чем гипотетическое наказание за неповоротливость и опоздание.

В комнате слышались чьи-то приглушенные голоса. Лука постучал громче, раздались шаги, и дверь отперли изнутри.

– Раб Лука, – сказал Пенант, открывший дверь.

– В кресло его, – скомандовал господин Ядугара, сосредоточенно что-то изучавший в склянке, поднеся ее к свету.

Целитель взболтал прозрачную жидкость, удовлетворенно хмыкнул и перелил ее в другой сосуд. Жидкость окрасилась в ярко-желтый, и Ядугара восхищенно цокнул языком:

– Прекрасно!

Пенант уже усадил Луку в широкое низкое кресло. Уложил его руки и ноги в специальные углубления, после чего затянул каждую конечность ремнями. Ядугара больно сдавил ему щеки и раздвинул челюсти.

– Пей! – приказал господин, заливая обжигающе приторную жидкость.

Та не смачивала глотку, казалось, что она, напротив, сушит слизистую. В желудке разгорелся пожар, в глазах потемнело, а стук сердца отдавался в ушах боем набата.

– Зачем это? – У Луки пересохло в горле, но господин его расслышал.

– Возьми пробу слюны и залепи ему рот и глаза, – сказал он Пенанту. – Надеюсь, он не завтракал?

– Никак нет, господин! Я поднял его пинками и сразу отправил умываться и к вам.

– Хорошо.

Лука услышал, как господин потер руки.

– Тогда приступим!

Глава 13. Крайне любопытный экземпляр

Исследования господина Ядугары продолжались все утро, а после сытного обеда, во время которого Лука лежал без сознания, возобновились. К этому времени обездвиженный подросток, лишенный чувствительности, ощущал себя зависшим в бездонном ничто – как это было с ним всю его жизнь.

– Совместимость стопроцентная! Прекрасно, прекрасно, – довольно и протяжно рыгнув, замурыкал Ядугара. – Готовимся к переливанию.

– Можно будет и мне, господин учитель? – дрожащим от возбуждения голосом спросил Пенант.

– Ты еще молод, Пен. При должной эксплуатации тела мальчишки хватит на пару лет. Кроме того, мы не проверили его совместимость с тобой.

– Но ведь я совместим с вами? Может, и с ним, раз уж...

– Пен, не отвлекайся! И не забывай, что в очереди на обновление стоит ряд влиятельных и уважаемых господ! Их терпение небезгранично, а подходящий экземпляр у нас всего один! И если имперский целитель узнает... Упаси Двурогий!

– А клиенты...

– Нет, Пен! Они не будут трепать языками, ты же знаешь.

– Можно я хотя бы попробую?

– Нет!

– Но, господин...

– Все потом, Пен! – раздраженно отмахнулся господин Ядугара. – Заряжай...

На долгое время Лука отключился, а когда очнулся, ощутил запах чего-то тухлого и кислого.

– Переворачиваем, – откуда-то издали донесся до него голос целителя.

То, что теперь он лежит на животе, мальчик понял только по прилившей к лицу крови. Все тело потеряло чувствительность.

– Скальпель... Надрез... – голоса доносились издали, будто уши залили воском, впрочем, так оно и было.

Глаза мальчика тоже были залеплены, но внезапно он увидел текст. Буквы появлялись в плывущей темноте и строчка за строчкой информировали:

Зафиксированы множественные рассечения кожного покрова...

Зафиксированы множественные рассечения мышечной ткани...

Фиксируется значительная потеря крови...

Активация режима усиления!

Обнаружены доступные материалы: железо 72%, никель 9%, хром 18%, углерод 0,07%

...

Поглощение...

Преобразование...

– Двурогий! – потрясенно воскликнул господин Ядугара. – Что за чертовщина творится с инструментом?

Целитель не мог поверить своим глазам. От скальпеля осталась только деревянная ручка, а все лезвие исчезло. Пенант несколько раз моргнул и, не отдавая себе отчет, протер руками глаза, не обращая внимания на то, что перчатки в крови раба.

– Что это значит, господин Ядугара?

– Другой скальпель, живо! Быстрее, рана затягивается!

Лука скорее понял, чем почувствовал, что Ядугара снова полез в его плоть.

– Пресвятая мать! Что за урод этот Децисиму? Ножницы! Зажим!

– Господин, не поддается! Скальпель не режет!

– Затупился? Иглу!

Шорох, пыхтение. Лука ощутил, что чувствительность, а вместе с ней и дикая боль, возвращается.

– Сломалась! Клянусь совершенным лоном Пресвятой матери, игла сломалась!

– Она не сломалась, болван! Игла осталась в этом проклятом Двурогим теле!

– Вы видели? Видели, господин?

– Сюда вошла, переливаем! Переставь сосуд! Катализатор, срочно! Струну! Ух...

Ядугара рухнул в кресло и закрыл глаза. В него потекла юная и полная сил жизнь.

Перед Лукой снова замелькали строчки, которые наследие Эск'Онегута определило как «логи». Дочитывать их мальчик не успевал, как и понимать, о чем они:

Обнаружено несанкционированное изъятие энергетических резервов...

Обнаружен несанкционированный обмен...

Обнаружено агрессивное воздействие на клеточном...

Активация противодействия...

Перенаправление потоков...

Ускорение процессов взаимодействия...

К Луке вернулись слух и подвижность. Рядом раздался звук падающего тела и вопль Пенанта:

– Учитель! Учитель!

Лука поднял голову и огляделся. Он, абсолютно обнаженный, лежал на животе. Это ему понравилось, и мальчик поднялся, чувствуя, как обрываются струны, торчащие в теле.

На полу лежал Ядугара, а вокруг суетился старший ученик Пенант. Заметив, что Лука в сознании и делает попытки встать, он заорал:

– Райкер!!!

– Что с господином? – поинтересовался Лука.

– Это ты виноват, убийца! – Глаза старшего ученика вспыхнули гневом. – Отродье бездны!

Пенант вдруг кинулся на мальчика и замахнулся. В его руке блеснул металл. Лука машинально выставил ладонь, закрываясь, и та взорвалась вспышкой боли. С тыльной стороны вылезло лезвие скальпеля.

Но в следующее мгновение еще истощнее заорал старший ученик: лезвие растворилось, впиталось в ладонь, а рана затянулась за пару биений сердца.

Лука удивленно осмотрел руку, кивнул сам себе, *понимая*, а потом окинул взглядом кабинет целителя, решая, что делать. Бежать? Но куда? Пенант в два раза крупнее, с таким не справиться, но справиться надо, потому что мама ждет, а если его обвинят в убийстве...

В дверь замолотили кулаком. Пенант бросился к ней, отпер, и на пороге появился раб, охранявший ворота.

– Райкер! Раб убил господина! – затараторил старший ученик. – Немедленно связать!

Зарывав, охранник кинулся к Луке и широко расставил руки, чтобы не дать тому сбежать. Осознавая, что происходит что-то непоправимое, мальчик нырнул ему под локоть и побежал к выходу из кабинета.

Там его встретил Пенант. Старший ученик что-то вскрикнул и выбросил вперед руку. Уклониться Лука не успел и, получив оплеуху, остановился, схватившись за скулу. Удар подошедшего охранника в затылок отправил мальчика на пол.

В себя он пришел чуть позже, когда Райкер скинул его тело на холодный склизкий земляной пол подвала. Раздался лязг замка, и за дверью послышались знакомые голоса:

– С ним точно что-то не так! – Голос Пенанта сочился злобой и удивлением.

– Да, ты абсолютно прав, старший ученик. И слава Двурогому, что он сам оборвал струны, иначе...

Приглушенный голос умолк, зашептал, а потом раздался вопрос Рейны:

– Что это за тварь, господин Ядугара?

– О, Рейна, девочка моя, это крайне любопытный экземпляр! – Целитель закашлялся, а откашлявшись, торжественно объявил: – Упоминаний о подобных ему я не встречал за все два столетия, что живу в этом мире. Это невероятная находка! И мы обязательно выясним, что с ним не так...

Глава 14. Запреты господина Ядугары

– Раб Лука Децисиму, я запрещаю тебе покидать пределы помещения, в котором ты находишься! – слова господина намертво отпечатывались в разуме Луки. – Я запрещаю тебе, умышленно или случайно, наносить вред мне – твоему господину Ядугаре, старшему ученику Пенанту, а также моему имуществу, рабам и слугам, включая Рейну, Морену и Райкера. В случае нарушения запретов твоя сердечная и мозговая активности будут принудительно остановлены. Тебе все ясно, раб Лука Децисиму?

За дверью послышался шорох, откашливание и сдавленный голос мальчика:

– Мне все ясно, господин Ядугара.

– В наказание за то, что произошло, ты лишен права на тепло, еду, воду и общение на семь суток. В следующий раз, когда тебе захочется прервать мои... исследования, вспомни о каре, которая тебя постигнет. И будь покладистее.

Завершая речь, целитель стукнул кулаком по металлической двери и стал подниматься по лестнице из подвала. За ним последовали Пенант, Рейна и Райкер. Каждому из них доводилось посидеть в подвале, но никогда – так долго. Как правило, господин ограничивался сутками, не желая навредить собственному имуществу.

– Он... выдержит? – решил спросить Пенант. – Там же... чинилы! Они высосут из него всю кровь!

– Ошейник даст мне знать, если он будет при смерти, – ответил целитель. – Умереть просто так я ему не позволю. Он отработает все тысячекратно!

В гостиной Ядугара остановился и принялся раздавать распоряжения:

– Пен, иди к господину судье и выясни все, что они знают про Децисиму и его семью. Рейна, пригласи ко мне господина Ардена. Попробуем воспользоваться услугами его стеклодувов, ибо уже понятно, что металла в работе с Децисиму надо избегать.

Пенант с Рейной, кивнув, помчались исполнять указания. Сам господин сел в кресло у камина и погрузился в раздумья.

Райкер терпеливо ждал, когда тот обратит внимание и на него, но пауза затянулась.

– Мне вернуться на пост, господин? – решил прервать его размышления Райкер.

– Внешних врагов я не боюсь. А вот внутренний у нас появился. Отныне твоя задача – следить за подвалом. Услышишь что-то подозрительное, немедленно докладывай!

– Будет исполнено!

Оставшись один, Ядугара посидел еще с полчаса, копаясь в своей памяти – а жил он чуть больше двухсот лет, – но не вспомнил ничего, похожего на случай с Децисиму.

Крякнув, он поднялся с кресла и направился в кабинет. Прерванный и обращенный вспять перелив аукнулся резким старением. Разум сбоил, а тело превращалось в развалину.

В кабинете он оглядел последствия того, что произошло, и тяжело вздохнул. Ему хотелось лечь и поспать, но необходимо было все зафиксировать.

Закончив с записями, он самолично убрался, так как не терпел беспорядка, а доверять ценные инструменты и приборы неуклюжей Морене – тетушке Мо – не хотел. А когда закончил, вернулся его старший ученик.

Сев за рабочий стол, Ядугара указал Пену на место напротив.

– Господин, я был у судьи...

– Не спеши! По порядку, старший ученик.

Пен кивнул и приготовился слушать.

– Итак, что мы имеем? – господин Ядугара поднял указательный палец, поворачивая им и навел на Пенанта. – Еще раз расскажи, что происходило, пока я был без сознания? Вспоминай тщательно, старший ученик, и постарайся не упустить ни одной детали!

Пенант для большей достоверности умственного усилия почесал затылок, сморщил лоб и закатил глаза к потолку. Ничего нового он не вспомнил, но заговорил серьезным, уверенным голосом, зная, как легко наставник улавливает малейшие оттенки сомнения:

– Вы упали, господин. Я кинулся к вам, а потом услышал его голос. Децисиму спросил, что с вами. Я решил, что вы умерли, так как пульс не прощупывался. В отчаянии я крикнул Райкера, а сам бросился на раба. Простите, господин, я потерял контроль, гнев застил мне разум.

– Если бы ты лишил его жизни, тебе пришлось бы его заменить, пока еще старший ученик Пенант, – недовольно заметил Ядугара. – Надеюсь, теперь это понятно?

– Простите, господин! – Пенант побледнел.

О самой большой тайне господина он и сам узнал только тогда, когда стал учеником, ранее воспринимая процедуру перелива жизненных сил как часть каких-то исследований. Сколько лет жизни за эти годы он подарил Ядугаре, Пен боялся даже подумать, но появился подходящий донор, что давало и ему шанс вернуть потерянное. Предыдущий донор, поиски которого затянулись на годы, оказался не до конца совместим с господином и умер. Следующим стал Лука.

– Рассказывай дальше, – хмыкнул целитель.

– Я ударил его скальпелем, но он закрылся рукой...

– С этого момента подробнее.

– Лезвие проткнуло ему ладонь, он вскрикнул. Я вытащил скальпель, чтобы ударить снова, но лезвия не было. Оно куда-то исчезло.

Пенант задумался. В тот момент его напугало, что господин умрет и он останется один. Ослепленный яростью, лишь одного жаждал Пенант: наказать убийцу. Подробности произошедшего в те мгновения куда-то уплывали, не давались.

– Пен? Что было дальше?

– Я испугался. Рана на его ладони затянулась, и даже кровь то ли впиталась обратно, то ли просто исчезла. Я кинулся к двери, чтобы открыть Райкеру. Сказал ему, чтобы он схватил раба, но тот проскользнул мимо и напал на меня. Я не растерялся и остановил его ударом в лицо. Тут подоспел охранник и оглушил его сзади. Мы связали раба... А потом вы очнулись, господин.

– Мерзавец каким-то образом обратил процедуру перелива вспять! – Господин Ядугара треснул кулаком по столу. – Итак, какой вывод?

– Это чудовище! – Теперь, когда Пенант при участии господина пересмотрел произошедшие события, он испугался еще сильнее.

– Раб владеет сверхскоростной регенерацией. Он каким-то образом может поглощать металлы. И – но это требует проверки – его способности активируются, только если нанести ему физические повреждения.

– Пресвятая мать! Какое же он чудовище!

– Хватит причитать, Пен! Ты же не безграмотная босота с окраины Империи, ты прежде всего мой ученик! В этом мире все имеет объяснение. И мы его найдем.

– Простите, господин.

Ядугара поморщился.

– Что известно о его семье?

– Мать с сестрой присутствовали на суде. Господин судья дал мне их адрес. Прикажете привезти их сюда?

– Здесь надо тоньше, Пен. Ты же понимаешь, что наибольший интерес для нас представляет его сестра, причем как для процедуры перелива, так и как носительница подобного же дара регенерации и поглощения. – Ядугара улыбнулся своим мыслям. – Есть дополнительная информация о девочке?

– Господин судья назвал мне имя заявителя, это некий Неманья Ковачар, владелец трактира в трущобах. Возможно, он знает больше. Я могу опросить и его, и его отпрыска, пройтись по соседям, чтобы собрать больше информации о семье.

– Нет. Пусть этим займется Рейна. Ей будет проще войти в доверие. Может, ей даже удастся подружиться с сестрой Децисиму и незаметно взять образцы для анализа.

– Простите, господин, но разве не проще захватить девчонку и перевезти в наши подвалы? Кто ее будет искать?

– Пен, это неприемлемо. Без силового ошейника нам не добиться от нее подчинения, а первая же жалоба матери в имперскую канцелярию на нарушение закона о свободе рождения... Все рухнет! Ты же знаешь, что не все, что делается в этом доме, законно.

– Значит, нам нужно сначала как-то организовать обвинение и суд...

– Вот именно, – кивнул Ядугара.

Раздался условный стук в дверь.

– Рейна, входи, – громко отозвался целитель.

В открывшейся створке показалась изящная фигура девушки. Рейна поправила непослушную прядь и доложила:

– Господин, я с господином Арденом. Он ожидает внизу.

– Пен, спустись и развлеки пока гостя. А ты, Рейна, подходи ближе. У меня для тебя особое поручение.

Глава 15. Чинильи

Когда шаги за дверью стихли, Лука остался в крошечной тьме и тишине. Ни того ни другого он не боялся, как не страшился и озвученного Ядугарой наказания. Но то, что мама серьезно больна, а он при всем желании не в силах помочь, раздирало душу. Еще он переживал за Кору, которая наверняка завтра явится и, не обнаружив его, попытается проникнуть в дом, а за такое ей грозят рудники.

Лука на ощупь прошелся от угла к углу подвала. Оказалось, что места совсем немного: пять шагов вдоль и шесть поперек. Низкий потолок щекотал макушку при ходьбе, и это заставляло мальчика пригибаться из боязни удариться головой о какой-нибудь невидимый выступ.

Сколько он там просидел, пытаясь анализировать действия Ядугары (а называть его господином, будучи наедине с собой, новой, растущей личности мальчика казалось трусливым и недостойным), Лука знал точно: почти шесть часов. Что-то, а терпеливо чего-то ждать ему не привыкать.

От скуки он принялся изучать интерфейс странника. В поле зрения, где-то на самой периферии, крутилось миниатюрное солнце, яркое, но не ослепляющее. Оно исчезало, если Лука не обращал на него внимания, но проявлялось и приглашающе пульсировало, стоило вспомнить о нем. Если мысленно погладить солнышко, перед глазами проявлялся текст, будто зависший в воздухе и меняющий положение в пространстве так, чтобы быть всегда перед глазами и в то же время не мешать обзору. Текст вел себя как живой, увеличиваясь и уменьшаясь в размерах, а то и вовсе становясь прозрачным, и все это по малейшему невысказанному пожеланию.

Лука'Онегут, первая жизнь.

Реминисцент. Наследник Эск'Онегута.

Уровень влияния: 0.

Очки Тсоуи: 1.

Рукав Ориона, Млечный путь, Солнечная система, планета Земля.

Вариация Вселенной: #ES-252210-0273-4707.

Возможность перерождения: доступна.

Стоимость использования Колеса: 10 очков Тсоуи.

Право на повторное вращение Колеса: нет.

Таланты: *Метаморфизм 1-го уровня.*

Из наследия Лука узнал, что с повышением уровня влияния будет получать больше очков за поступки, достойные Тсоуи. Уровень влияния показывал, как сильно отражаются поступки странника на вселенской гармонии и как широко в мультиверсе известен странник. Кроме того, высокий уровень уменьшал стоимость использования Колеса, улучшал сектора, повышая качество способностей и талантов, а также снижал долю отрицательных и пустых сегментов.

Шли часы. Лука почувствовал, что засыпает, но услышал нечто странное. В дальнем углу подвала что-то прошелестело. Мальчик напрягся и настороженно замер, а потом вскрикнул и отдернул ногу, но боль в ней не исчезла. В панике он хлопнул по колену, но и руку тоже пронзила боль.

Чинилья!

Юркие кровососущие многоножки размером с ладонь взрослого человека – истинное проклятие всей Империи. Селились они в сырых влажных местах и были живучи как тараканы Пустошей. Их травили, а они не умирали, жгли, но они некоторое время переносили самый жаркий огонь и успевали разбежаться, а давить их было бесполезно. Прочнейший хитиновый

покров, на порядок превосходящий аналогичный у ракообразных, с трудом пробивался даже молотком. Разве что кувалдой в руках могучего кузнеца. Острые шипы в виде гребня по всей длине спины быстро отучили людей пытаться прихлопнуть этих кровопийц.

Правда, была у них одна особенность: обитали чинили небольшие колониями в десяток-полтора особей, строго разделив территорию. Больше одной колонии на квадратную милю не встречалось.

Лука вскочил, все больше паникуя. Он слышал, что колония многоножек досуха выпила их соседа по кварталу. Бедолага до беспамятства нахлестался дешевого, но забористого пойла, а когда очнулся, было уже поздно. Очень странно, что Ядугара спокойно живет, имея в подвале смертоносную колонию.

Пока Лука пытался отодрать одну чинилию, впившуюся не только хоботком, но и всеми конечностями, другая вцепилась в его икру, а многочисленные лапки вдалеке зашуршали громче.

*Зафиксированы рассечения кожного покрова...
Зафиксированы рассечения мышечной ткани...
Фиксируется потеря крови...
Активация режима усиления!
Обнаружены доступные органические материалы...
Поглощение...
Преобразование...*

С визгом на грани ультразвука две многоножки, лишившиеся нескольких сегментов конечностей, отвалились от тела мальчика. Его способность продолжала залечивать раны, а сделав это, учла нужды носителя: преобразовала часть поглощенной органики, чтобы восстановить утерянную кровь и нарастить мышечную массу. Но поглощенного материала оказалось слишком мало, чтобы реализовать все, а сам Лука был слишком напуган, чтобы вникнуть в быстро промелькнувший текст и использовать тела двух недобитых многоножек. Обе валялись на спине, теряя гемолимфу из оторванных лапок и брюха, будто слизанного наждаком.

До полуночи Лука просидел, злясь на проклятого целителя все больше и больше. Понимание того, что пытался с ним сотворить Ядугара, затронуло его не так сильно, как отчаяние от безвыходности. Всему виной этот рабский ошейник!

Он попытался сорвать его с шеи, но тот только сжал горло сильнее. Протиснуть пальцы под него не удавалось. Ногти скребли кожу, раздирая ее в кровь, Лука одновременно рычал и плакал от бессилия, но чем больше он старался, тем туже смыкался ошейник.

Внезапно он почувствовал укол в сердце и потерял чувствительность. Свалившись у двери, Лука раскрывал рот, пытаясь вдохнуть, но легкие не работали – мальчик терял контроль над телом.

*Обнаружен впрыск парализующих токсинов!
Анализ вариантов противодействия...
Запуск агентов-нейтрализаторов произведен.*

*Обнаружено воздействие на нервную систему!
Анализ вариантов противодействия...
Блокирование нервных рецепторов в местах проникновения произведено.*

*Обнаружено агрессивное удушающее воздействие!
Анализ вариантов противодействия...*

*Укрепление кожного покрова шеи невозможно!
Недостаточно необходимых элементов в организме!*

Скорее интуитивно, нежели осознанно, Лука дернулся и коснулся двери.

*Обнаружены доступные материалы: железо 97,9%, углерод 2,1%...
Поглощение...
Преобразование...*

Рука, опиравшаяся о железную створку, провалилась в дыру. Лука снова мог дышать: ошейник больше не сдавливал укрепленное горло, однако продолжал засылать управляющие сигналы в организм взбунтовавшегося раба.

*Уровень воздействия критический.
Анализ вариантов противодействия...
Инициация поглощения агрессивной структуры...
Недостаточно энергетических резервов!*

Поглощая и преобразовывая одни химические элементы в другие, перестраивая структуру органов мальчика и противодействуя агрессивному воздействию, способность метаморфизма исчерпала всю доступную энергию. Использовать жировые запасы она не могла за неимением таковых, а сжигать плоть хозяина без его команды не имела права. Команды не поступило, и способность ушла в спячку.

Истощенный Лука свалился в кому, и силовой ошейник добился своей цели: бунтарь был парализован и при смерти, сигнал тревоги хозяину раба подан.

Теоретические задумки господина Ядугары сработали. В таком состоянии тварь вряд ли сможет противодействовать процедуре перелива.

Глава 16. По требованию Ленца

– Я с ней подружилась! – с порога объявила Рейна и удивленно выдохнула: – У вас получилось! Вы прекрасно выглядите, господин!

– О да, девочка моя! И вечером я тебе покажу, насколько помолодел!

Ядугара не сдержал довольную улыбку. Сколько раз он проходил процедуру перелива, столько раз радовался очередной отсрочке и многим приятным вещам, свойственным только пышущей здоровьем и бурлящей гормонами молодости.

– Как тварь Децисиму? – озабоченно спросила Рейна.

Целитель с детства воспитывал в ней умение разделять людей на два типа: людей и «тварей». Впечатлительная девочка, широко раскрыв глаза, слушала «откровения» хозяина об ужасных монстрах, скрывающихся под человеческой личиной.

«Но волей богов, соблюдающих гармонию в устройении мира, есть в них и то, что нам очень полезно, Рейна, – объяснял он. – В их чудовищной сущности заключается то, что позволяет нам, целителям, создавать эликсир молодости. Когда придет время, моя девочка, ты его вкусишь. Ты будешь вечно молодой, Рейна!»

Из нее получится отличная жена... пока не надоест. Срок ее рабства скоро закончится, но Рейна останется с Ядугарой, видя в нем все: мужа, любовника, покровителя, защитника, главу семьи, а главное – того, кто подарит ей бессмертие.

– Все прошло превосходно! Нам удалось ее нейтрализовать. Даже новые инструменты от господина Ардена не понадобились. – Целитель помолчал, потом, вспомнив кое-что, нахмурился. – Что с сестрой Децисиму?

– Вчера я побродила по кварталу, познакомилась с местными. Вот что выяснила. Тварь всю жизнь была прикована к постели, изредка выбиралась на улицу на инвалидной коляске. Отец был гладиатором, погиб семь лет назад. Мать Приска – прачка, сестра на год младше твари, зовут Кора. Три дня назад при встрече с сыном трактирщика Децисиму неожиданно встал и напал на него.

– Вот оно что, – задумчиво покачал головой целитель. – Возможно, Децисиму не был тварью, пока в него не вселилось нечто... Это потребует глубоких исследований! Двурогий! Проклятые императорские лекари!

– Что-то случилось, господин?

– Случилось... Разберусь! Главное, нам нужна сестра Децисиму!

– Я свела с ней знакомство. Сказала, что меня прислал ее брат, что он наказан, но попросил встретиться с его семьей и успокоить. Она поверила. Я пообещала, что проведу ее в дом и она пообщается с Лукой.

– Предупреди Райкера. Он должен взять ее сразу, как только она перешагнет порог. Обвиним в попытке обокрасть меня.

– Насчет их матери, господин...

– Расскажешь подробности позже. А пока оставь меня, мне надо подумать.

– Хорошо, господин!

Рейна, покачивая пышными бедрами, направилась к выходу. Господин Ядугара скользнул взглядом по ее обтянутым серыми гетрами крепким икрам и улыбнулся. Девушка обернулась, почувствовав взгляд хозяина:

– Господин?

– Иди, Рейна, иди.

Та кивнула и вышла из кабинета. Как бы ни бурлила молодая кровь в жилах, но о сладострастных развлечениях пока придется забыть. Непонятно как, но лекари императора прознали о находке целителя и немедленно затребовали раба во дворец.

Сейчас Ядугара ждал, пока пришедшего в себя Децисиму накормят на кухне и тот хотя бы немного обретет товарный вид. Везти во дворец полутруп значило навлечь на себя гнев Ленца, главы имперских медиков, а вместе с тем лишиться целительской лицензии. В лучшем случае.

Одно то, что он не уведомил Ленца о появлении подходящего для перелива мальчика, грозило Ядугаре большими неприятностями. То, что он наплел Пенанту о «совместимости», объяснялось нежеланием целителя придавать ученику больше чувства собственной значимости. Еще не хватало, чтобы тот пошел болтать и торговать своей исключительностью.

Кроме того, это берегло Пена для самого Ядугары как крайний вариант.

«Мы совместимы, старший ученик. Это уникальный случай! Храни это в тайне, иначе мои недоброжелатели могут причинить тебе вред!» – сказал он тогда Пену, и тот был горд доверием наставника и млел от чувства единения с ним.

Особенно первые несколько процедур, пока возрастные изменения не начали пугать юнца. Потом, когда раб освободился, стал старшим учеником и начал прозревать, глядя на свои морщины, пришлось объясниться. Тогда Ядугара и пообещал ученику, что, как только найдется другой «совместимый», Пен вернет утерянные годы жизни.

На самом деле смысл был не в «совместимости», а в банальной противоестественной сущности процедуры перелива. Сама природа человека восставала против насильственного отбора жизнеспособности клеток! Подходящих доноров встречалось очень мало. Два-три десятка на целое поколение Империи, их Ядугара искал всю свою жизнь, он и сам начал карьеру, как Пенант, старшим учеником одного лекаря, чье имя он поклялся забыть. Спустя полвека ему это удалось.

Слава всем богам и Пресвятой матери, что имперские лекари прознали о Децисиму только этим утром. Пока совещались, пока отправляли гонца, перевалило за полдень.

А за ночь ему все удалось. Сначала он провел процедуру на Пенанте, опасаясь новых сюрпризов, но все прошло спокойно и как обычно. За час с небольшим старший ученик помолодел на два года, а к полудню и сам Ядугара скинул полтора десятка лет. Мог бы и больше, но с каждым новым годом риски нарастали – в этом деле важна постепенность, причем для жизнеспособности как донора, так и получателя. Отторжение – дело нечастое, но и такое встречалось в богатой практике целителя.

Следующую пару часов они с Пенем выводили раба из комы – до следующей процедуры. Мальчик ожил невероятно быстро, стоило влить ему внутривенно раствор глюкозы. Потрясающие способности к регенерации!

Потом, когда Лука смог сам передвигаться, Ядугара отправил его с Пенем к Морене – отъедаться, а сам остался с Рейной.

«Пора!» – подумал он. Выйдя из кабинета, тщательно запер дверь. Спустившись, прошел на кухню.

В кастрюлях весело булькало, а за столом сидел, склонившись над жестяной миской, раб Децисиму. Назвать его мальчиком ни у кого больше не повернулся бы язык – хоть фигура и оставалась детской, но все выдавало в ней последствия процедуры перелива. Тусклые поседевшие кое-где волосы, обвисшая, покрытая пигментными пятнами, сухая кожа, разлапистые ветки морщин, дрожащие руки и ссутулившееся тело.

Раб жадно ел под сочувственными взглядами тетушки Мо.

– Не понимаю, как в него столько влазит, – развела руками кухарка. – Целый чугунок съел, а все мало.

– Ему достаточно. Раб, встать! Иди за мной, мы уезжаем.

Лука, поднимаясь, схватил миску двумя руками и, запрокинув голову, вылил остатки в рот. Ядугара заметил, как сильно раздулся живот донора, и его перекосило от отвращения.

Хорошо, что он успел получить свое. В том, что имперские лекари выпьют Луку до дна, он не сомневался.

К завтрашнему утру раб Лука Децисиму будет мертв.

Глава 17. Во дворец императора

Поглощенные литры густого ароматного варева тетушки Мо приятно плескались в желудке Луки. Кровь отхлынула от мозга к пищеварительному тракту, и мальчик сонно переставлял ноги, потеряв всякую ориентацию во времени и пространстве.

В их среде, в том квартале, где он провел последние годы, не принято было двигаться против течения. Кора не в счет – сестренка всегда была немного странная, стремилась к чему-то большему, но не понимала, как этого добиться.

Три ночи назад он был парализованным калекой в нищей лачуге, радовался отвару из картофельных очистков, и в понимании того Луки все шло своим чередом: он умер, чудом ожил, получил от Колеса некую способность, в суть которой до конца не вникал и не стремился ее использовать. Подлый Карим и его отец Неманья, конечно, сволочи, раз повесили на него вину, но ведь он и правда бросал камни и, возможно, проломил ключицу сыну владельца трактира. А значит, Лука виновен и заслуженно понес наказание. Судья был справедлив, дав возможность выплатить ущерб, и хорошо, что господин Ядугара это сделал, иначе – рудники. А оттуда не возвращаются.

Так думал Лука-калека, Лука-мальчик. Этот Лука просто отдался бурному потоку, в который превратилась его жизнь, а способность удивляться всем тем странным вещам, что с ним происходили, выдохлась. Удивление – это эмоция, а после процедуры перелива мальчик впал в апатию, неспособный не только удивляться, а вообще чувствовать. Даже судьба матери перестала его волновать.

Но в момент, когда он, направляемый понуканиями Пенанта, пошел за Ядугарой и увидел в зеркале свое отражение, что-то пробилось сквозь нарощенную коросту равнодушия. Вернее, кто-то. Та новая личность, что все активнее сливалась с наследием странника Эск'Онегута, ужаснулась. Сколько бы перерождений ни ждало его впереди, но лучше вообще не жить, чем жить так! Отражение показало, в кого превратился мальчик, разум осознал – из-за кого, и мозг начал лихорадочно думать.

Внешне это отразилось лишь в ставшей несколько более уверенной походке Луки. Он расправил плечи и перестал шаркать, как дряхлый старик. Проснувшийся метаморфизм изучил изменения в теле и ахнул: изношенные сосуды и сердце, снизившаяся острота зрения и слуха, камни в почках и огромный скачок в возрасте.

Ужаснулся и сам Лука'Онегут. Они с Пенантом сели в карету напротив Ядугары, и то, что он увидел в глазах целителя, ему очень не понравилось. Считывая мимику, оценив быстро отведенный взгляд – в котором промелькнуло отвращение и... жалость? – Лука обратил внимание и на то, что Ядугара оделся иначе, чем собираясь на выезды к больным, торжественнее, что ли, и на то, что выглядит господин явно моложе.

Лука перевел взгляд на Пенанта. Этот тоже, хоть и не так явно, помолодел: морщины разгладились, тело приобрело горделивую осанку. Во взгляде старшего ученика читалось настолько явное превосходство, что Лука по привычке чуть было не отвел глаза.

Но сдержался. Вместо этого спросил, едва сдерживая ярость:

– Куда мы едем... господин?

Такое обращение к человеку, отнявшему у него годы жизни, далось Луке непросто. Заминка не прошла мимо внимания Ядугары. Целитель насторожился, но посчитал нужным ответить – секрета в этом не было:

– Во дворец императора. Его медики хотят осмотреть тебя. И достаточно вопросов, раб. Я запрещаю.

За небольшим окошком мелькали здания, вывески и богато одетый народ. Лошадь замедлила ход – путь ко дворцу вел наверх, к скале Маджуро Первого, Победителя, основателя рода

императорской фамилии, но мальчик об этом не знал. «Дворец императора» всегда был для него неким эфемерным понятием – он существовал, но Лука никогда в жизни и ни при каких обстоятельствах с ним не сталкивался.

Остаток пути он молчал, как и хотел «господин». Но не просто молчал, а внимательно изучал «логи» (именно это слово снова всплыло из унаследованной памяти) произошедшего с ним за эти дни. В тюрьме он пожелал «железный кулак», и способность отреагировала сообщением о нехватке железа.

Значит...

Лука прикрыл правый кулак другой рукой и подумал, что хорошо бы иметь ногти прочнее – например, из стали – и длиннее. Почти в локоть – острые и смертоносные, способные расцечь... да тот же рабский ошейник!

Треск!

Под колесами кареты что-то лопнуло, может, какой-то фрукт, а спереди донеслось недобвольное бормотание возницы.

– Аккуратнее, ты! Господина везешь! – обернувшись, крикнул Пенант.

И больше ничего не произошло. Никаких текстовых сообщений и никаких изменений. Что-то он неправильно интерпретировал, но что?

Он снова погрузился в анализ текста. Ага, вот нужный момент. Ядугара каким-то образом инициировал перелив жизненных сил и натолкнулся на защиту, выставленную способностью... А лучшая защита – это нападение, так говорил отец. Метаморфизм обратил процесс вспять, и Ядугара сам чуть не умер, не только вернув все слитое, но и отдав часть своих лет.

Лука поморщился. Из наследия всплыли невнятные воспоминания о крайне неприятных ночных созданиях одного мира, продлевавших себе жизнь, поглощая кровь жертвы. Стоило признать, что Ядугара делал это намного изящнее. И, судя по всему, эффективнее.

Из подвала целителя, как оказалось, можно было сбежать. Если бы он проглотил ту пару чинилий, лишившихся конечностей, то потом выбил бы дверь. Непонятно откуда взявшаяся уверенность подсказывала, что при желании Лука смог бы достаточно укрепить кулаки, чтобы это сделать. Не стоило пытаться сорвать ошейник сразу, надо было набраться сил и попробовать его проглотить или избавиться как-то иначе. Впрочем, еще не поздно.

Но прежде надо понять, как управлять метаморфизмом. Понятно, что способность направлена на выживаемость носителя – когда идет прямая угроза здоровью, метаморфизм включается и использует все, что доступно.

Сейчас полоска кожи, пусть даже усиленная управляющим контуром, прямой угрозы не несет, но вот тогда, когда ошейник атаковал нервную систему и впрыскивал парализующие токсины, метаморфизм боролся. Жаль, что быстро исчерпал всю энергию – следствие целого дня без крошки во рту – и ушел в спячку.

Лука непроизвольно дотронулся до ошейника, представляя, что это его враг, обладающий разумом и способный убить.

Псевдоразумный ошейник почувствовал вмешательство в силовой контур и обеспокоенно сжался. Лука издал всхрип. Пенант, памятуя о странностях раба, отшатнулся к краю.

Инициация поглощения агрессивной структуры...

Ядугара подозрительно прищурился и, глядя ему в глаза, одними губами прошипел:

– Что бы ты там ни задумал, раб, приказываю немедленно прекратить!

И Лука прекратил, отменив команду. Сейчас не время и не место. Эта часть города хорошо охраняется, и тихо ему скрыться не удастся. А пролив кровь городской стражи, имперских гвардейцев или господина, он уже нигде не будет чувствовать себя в безопасности. Ведь если Терант не лгал, то Лука на острове. С острова не сбежишь, да и плавать он не умеет.

Убедившись, что раб его понял, Ядугара отвернулся. Пенант тоже отвел взгляд и высунул голову в окно, делая вид, что рассматривает появившийся на горизонте дворец.

Поэтому никто из них не заметил, как нехорошо блеснули глаза сына Севера Децисиму.

Он еще раз взглянул на свою правую руку – на выросшие на дюйм заостренные ногти, отливающие металлическим блеском, – и дал команду вернуть все как было.

Не сейчас.

Глава 18. Маджуро Кислый

Император Маджуро Четвертый, прозванный в народе Кислым, задумчиво смотрел в панорамное окно, открывающее вид на океан. Где-то там, за тысячи миль отсюда, находится ближайший материк. Там – настоящая жизнь, но знал об этом только он.

Спокойные, но коварные волны океана накатывали на западное побережье острова Съяр. Скала Маджуро Первого, Победителя, задолго до Возрождения носила совсем другое название, как и сам остров.

В день, когда юного Маджуро Четвертого короновали, к нему подошел четвертый советник Кросс и попросил об аудиенции. Она затянулась на весь день: советник открыл юноше глаза на истинное мироустройство, и оно оказалось намного сложнее, чем считали люди в Империи, включая самого Маджуро. Вопреки тому, чему его учили наставники, вопреки рассказам жрецов и школьных учителей, люди Империи, как оказалось, не единственные обитатели этого мира.

Задолго до Империи на острове жили кхары, отсталый темнокожий народ, но генетически почти совершенный. Указом управляющей миром семьи Ра'Та'Кантов в лице королевы Тайры, прозванной Пресвятой матерью, их переселили на материк. В большом мире кхары нашли свою нишу в структуре общества: они стали военной кастой, усиленной столетиями генетических улучшений и аугментации.

Их место на огромном острове, который, скорее, следовало называть материком, заняли съяры – именно такое название с подачи какого-то журналиста прилипло ко всем тем, кто был признан носителями дефективного генетического кода. Съяров перевезли насильно.

Собрать удалось не всех, многие сопротивлялись: переселение и зачистка заняли почти полстолетия гражданских войн, но в итоге около ста миллионов дефективных заперли в резервации в надежде, что в полной изоляции они вымрут сами – от голода и без привычных для цивилизованного человека удобств.

Но съяры не вымерли. У многих из них на материке остались родственники, друзья, просто сочувствующие, организовавшие поставку гуманитарной помощи: продуктов, инструментов, одежды и многого другого. Это жестко пресекалось, но волонтеры все равно находили пути.

Правда, с годами волонтерство иссякло. Терялись родственные связи, упоминания о съярах исчезли из средств массовой информации, и через поколение-другое об изгоях почти забыли, а разговоры о них стали дурным тоном.

Тем временем съяры, пусть даже и с дефективным кодом, оставались людьми со всеми человеческими навыками организации общества. Гуманитарной помощи на всех не хватало, и съяры стали объединяться в группы, каждую из которых кто-то возглавил на правах сильного.

Началась первобытная война за ресурсы, женщин, оставленные поселения кхаров. Группировки росли и объединялись, и к концу второго столетия с момента Великого Исхода на острове образовалось несколько своего рода государств и независимых поселений.

Лидером одного из поселений, позже названного Столицей, был некий Ма Джу Ро. Никакой информации о его жизни до императорства не сохранилось, но именно он, прозванный Победителем, захватил все территории острова и провозгласил себя императором Маджуро Первым.

К концу его недолгого правления предрассветной ночью дворец был захвачен страшного вида железными богоподобными людьми в черных отливающих металлом шлемах. Их возглавлял красивый и высокий белокурый мужчина с сияющей кожей. Он назвался ракантом Кроссом. Зевая, он объяснил императору, кто в этом мире главный, а кто – генетическое отребье.

«Семья Кроссов, – сказал он, придавив императора взглядом синих глаз, – указом королевы Тайры Ра’Та’Кант отныне курирует всю жизнедеятельность на острове Съяр. Все добываемые ресурсы острова – рыба, фрукты, руда, драгоценные камни – должны отгружаться в плановом объеме и поступать в пользование семьи Кросс. Основной религией острова становится культ поклонения Пресвятой матери, а ежегодные сбор и передачу ресурсов вы объявите жертвой в ее пользу. Превентивную акцию устрашения мы проведем в полдень, включая визуальные эффекты и явление Богини простому народу».

Неизвестно, что из этого Маджуро Первый понял, а что понять отказался, но уже к концу года по всей Империи стали открываться храмы Пресвятой матери Тайры, врагом всего человечества был объявлен Двурогий, а Маджуро Первого, Победителя, сменил Киллоуг – тоже Первый, только Защитник.

Представитель семьи Кроссов с тех пор стал четвертым советником императора, скромным и незаметным. Но, по сути, только к его советам и прислушивались все последующие императоры. Со временем одного Кросса сменял другой, но линия управления Империей оставалась все той же: контроль над популяцией, сохранение уровня развития общества на одном – низком – уровне и изъятие ресурсов в пользу Кроссов...

– Мой повелитель, все готово. – За спиной появился Ленц, глава имперских медиков. – Донор ждет.

Маджуро Четвертый облегченно кивнул:

– Сколько получится перелить?

– Думаю, не меньше пятнадцати лет. Мерзавец Ядугара, тот, что нашел донора, успел провести процедуру на себе. Лет двадцать точно выжал. Прикажете казнить ублюдка?

– Выдайте ему обещанную награду, – неуверенно пожал плечами Маджуро Четвертый. – Не знаю, решайте сами.

– Награду выдадим, – кивнул Ленц, и так рьяно кивнул, что с него чуть не слетели очки. – А потом казнить?

– Если всех казнить, вскоре некому будет искать доноров! – раздраженно буркнул император. – Наградите, и пусть катится.

Ленц снова кивнул, уже не с таким энтузиазмом, а в блеске очков отразилось его разочарование. Двурогий подери Ядугару! Эти годы не помешали бы самому Ленцу! Шельма Ядугара еще пытался учить его, как правильно проводить процедуру перелива... Его! Главу имперских медиков!

Мерзавец бормотал что-то о том, что донора требуется ввести в состояние комы от истощения, так как тот обладает крайней степенью сопротивляемости. Ха! У Ленца был десятилетиями апробированный препарат подавления, проверенный на многих подопытных, – чему его может научить Ядугара? Наглец! Ведь если донор впадет в кому, то перелив убьет его быстрее, чем надо!

Ленц провел повелителя в специально оборудованную комнату, где всегда происходило таинство омоложения. Маджуро скинул доспехи, тунику и пожегся. Он не стеснялся своей наготы, да и в помещении было тепло, но сам перелив каждый раз пугал его перспективой отторжения. С каждым годом найти нового донора становилось все сложнее – то ли нация вырождалась (хотя куда уж дальше), то ли такие вот, как подлец Ядугара, скрывали их для себя.

На соседнем ложе лежал без сознания донор – какой-то немного *вытптый* мальчик, щуплый и неказистый, с узкими плечами и по-детски цыплячьей шеей. Маджуро показалось, что мальчик пошевелился. Он присмотрелся: действительно, показалось.

– Как запустишь, выйди и вели все здесь закрыть, – приказал Маджуро, не желавший, чтобы в момент его беспомощности кто-то находился рядом.

– Как обычно, мой повелитель! Я вернусь ровно через двенадцать часов. Больше, вы же знаете...

– Знаю! – раздраженно оборвал Ленца император.

Маджуро, кряхтя, возлег на лежанку, и она жалобно скрипнула.

«Полтора центнера! – подумал Ленц. – Вот же боров! О нагрузке на сердце он тоже знает! А все равно жрет как свинья!»

подавив крамольные мысли, он занялся делом. Сделал инъекцию снотворного, и через некоторое время Маджуро захрапел. Потом Ленц подключил к телу повелителя струны и инициировал перелив.

Постояв рядом, убедился, что процедура началась, и поспешно удалился. Если повелитель узнает, что он зачем-то задержался у его тела, вопросов не избежать.

Через минуту дверь заперли снаружи, и в комнате воцарилась тишина.

Донор, который должен был лежать без сознания до самой смерти, открыл глаза.

Глава 19. Девки все за четвертак

Закатное солнце заливало мошеную мостовую теплым багрянцем. На небе ни облачка. Даже спасительного ветерка, чтобы освежил лицо, и того не было.

Лишь где-то на задворках слышны крики глашатая, созывающего всех желающих на вечернюю молитву, но вряд ли это как-то помогло бы Коре. Она в последний раз посещала молебен, возносимый в честь Пресвятой матери, когда отец еще не ушел к Двурогому.

Тогда это казалось чем-то волшебным. Красиво одетые люди приходили в храм, внимательно слушали священника и возносили хвалу богине. Теперь же Кора понимала, что ее, чумазию, в изношенной одежде, вряд ли впустят в стены храма, какой бы сильной ни была ее вера. Это ярмарка тщеславия, лести и лжи, сходка состоятельных горожан, не что иное, как показуха. Они жадно зыркают оценивающими взглядами: у кого кафтан дороже расшит, у кого драгоценности крупнее, у кого мощна ту же набита. Кора знала, что придет день, и она будет идти под руку со своим избранником, одетая в лучшее платье, а пока...

Из последних сил подтянув сколотое с одного края деревянное ведро, она вылила в канаву мыльную бурю. Мышцы от усталости свело судорогой, и девочка поспешила размять онемевшее предплечье.

Мать совсем слегла. По словам соседок, все симптомы указывали на то, что у нее болотная лихорадка, а с такой болячкой шутки плохи. Маме срочно требовался врач. Вызов его стоил три серебряные монеты, а у них за душой и пятидесяти медяков не было.

Как же тяжело работать! Девочка не понимала, как мать изо дня в день с этим справлялась. Кора с ужасом представила, что и она будет прачкой, и содрогнулась от такой перспективы.

Разбери Двурогий эту нищету! Скорей бы замуж выйти и жить по-человечески!

Вернувшись в каморку, девочка устало обвела взглядом ветхое убранство комнаты и развешанные по всем веревкам простыни. Из-за жары и беспрестанной стирки в комнате было сыро и душно, как в бане. При этой мысли она хмыкнула. Баня! Придет же кому-то в голову по доброй воле терпеть жар, исходящий от раскаленных камней! Сама Кора там не бывала, хотя имелись у нее подружки из прибазарного борделя, всего-то на год-два старше, но повидавшие больше, чем те грешники из-под хвоста Двурогого...

В углу тихо застонала мать. Она не приходила в сознание с того вечера, когда состоялся суд над Лукой. Девочка устало села на край тахты. Бледное лицо женщины покрывал липкий пот. Щеки ввалились, а под глазами залегли темные круги – намного темнее, чем обычно. Кора утирала лоб матери влажным застиранным до дыр передником, а сама смотрела сквозь нее стеклянным взглядом, отчаянно кусая губы.

Где же взять деньги? Кора знала лишь один доступный ей способ...

Солнце окончательно утонуло за остроносими крышами. В домах начали загораться первые огни. Девочка, на скорую руку приведя себя в относительно приличный вид, споро шагала вверх по улице к одной лишь ей ведомой цели. Встретить Кору сейчас кто из знакомых, позавидовал бы ее решимости, увидев хмурые брови и сжатый в тонкую линию рот.

В надежде подзаработать она шла в трактир. Лишь один человек мог ей помочь – Виндор. Этот вечно недовольный жизнью старик. Высокий, сухопарый, но сторбленный тяжелой судьбой одноногий сапожник. В прошлом гладиатор на Арене, собственно, там он в молодости и потерял ногу. Но крепость духа и умелые руки, которые, казалось, порой работали сами по себе, не напрягая насквозь пропитанный выпивкой мозг, не дали ему пасть на дно жизни.

В девочке же он нашел благодарного слушателя. Когда после рюмашки-другой он каждый раз заводил повторяющиеся рассказы об Арене, былой силе и славе, она слушала вполуха, но

изображала искренний интерес. Кора была совсем малышкой, когда поняла главный секрет того, как сохранить хорошие отношения с людьми: надо просто их слушать.

В любом случае к Коре старик относился хорошо – не обижал и подкармливал из своих скудных запасов. И девочка была готова мириться с небольшими неудобствами, старательно адаптируясь и выживая. Ведь с Виндором для этого требовалось немного: просто слушать и мило улыбаться.

Бывали, конечно, дни – один-два в неделю – когда старик переставал себя контролировать. Настроение его становилось особенно мерзким, и он распускал руки. Это делали многие в их квартале, не говоря уже о базаре, так что девочка не возмущалась. Тем более Виндор всегда сам заглаживал вину монеткой-другой, а по девичьей ловкости что-то еще пропадало из его карманов. В общем, оно того стоило.

Впрочем, старик не злоупотреблял властью и соблюдал некую грань, перейти которую не решался. Обычно все ограничивалось тем, что он зажимал Кору в темном углу трактира, наваливался, тяжело дыша перегаром, жадно тискал за задницу. По меркам трущоб – вел себя крайне достойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.